

ВОЕННЫЕ 1904
МЕМОАРЫ 1935

Капитан 1-го ранга
Я.К. Туманов

ЧЕТЫРЕ ВОЙНЫ МОРСКОГО ОФИЦЕРА

От Русско-японской
до Чакской войны

Военные мемуары (Вече)

Язон Туманов

**Четыре войны морского
офицера. От Русско-
японской до Чакской войны**

«ВЕЧЕ»

2020

Туманов Я. К.

Четыре войны морского офицера. От Русско-японской до Чакской войны / Я. К. Туманов — «ВЕЧЕ», 2020 — (Военные мемуары (Вече))

ISBN 978-5-4484-8386-8

Вниманию читателей предлагается сборник произведений, написанных человеком непростой и неординарной судьбы, российским, а впоследствии – парагвайским морским офицером Язоном Константиновичем Тумановым (1883–1955). За свою жизнь он стал свидетелем и непосредственным участником Русско-японской и Первой мировой войн, проливал кровь за свою страну. И в годы Гражданской войны Я.К. Туманов не остался сторонним наблюдателем: он не принял новую власть и с оружием в руках сражался против красных. После поражения Белого движения Язон Константинович оказался в эмиграции, пережил немало трудностей и приключений, участвовал в Чакской войне между Боливией и Парагваем. Подтверждением его храбрости и профессионализма служат многочисленные российские и иностранные ордена и знаки отличия, а последней наградой доблестного моряка стал парагвайский орден. Книга представляет интерес не только для любителей военно-морской истории, но и для всех читателей, интересующихся историей нашей страны, не равнодушных к судьбам соотечественников, вынужденных покинуть Родину.

ISBN 978-5-4484-8386-8

© Туманов Я. К., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Вместо предисловия. Князь Я.К. Туманов – флотский офицер, мемуарист и литератор	6
Мичмана на войне	20
Предисловие к русскому изданию	20
Глава I. Вместо предисловия. Мое назначение. Кронштадт. Броненосец «Орел». Арамис. Моя первая работа. Подполковник Поздеев и его плавучий кран. Мичман Зубов. Упущенное счастье.	21
Глава II. 30 июля 1904 г. Выход из Кронштадта. Суеверие моряков. Ревель. Незванный гость. Царский смотр. «Вторник». Либава. Ночь в дозоре. Прощай, Россия!	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Язон Туманов

Четыре войны морского офицера. От Русско-японской до Чакской войны

© Кузнецов Н.А., Соломонов Б.В., составление, комментарии, 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Вместо предисловия. Князь Я.К. Туманов – флотский офицер, мемуарист и литератор

Язон Константинович Туманов – боевой офицер Российского флота и яркий представитель русской морской эмиграции – не является совсем уж неизвестной для современного читателя фигурой. 17 лет назад благодаря усилиям историка флота, сотрудника Центрального военно-морского музея Константина Петровича Губера (1960–2016) к современному читателю вернулась книга Я.К. Туманова «Мичмана на войне», впервые увидевшая свет на русском языке в 1930 г. К.П. Губер написал первую биографическую статью о князе Туманове, опираясь прежде всего на материалы его послужного списка, хранящегося в Российском государственном архиве Военно-морского флота в Санкт-Петербурге¹. Семь лет спустя обратился к биографии Я.К. Туманова и автор, постаравшись осветить ее в контексте участия русских офицеров в Чакской войне Парагвая с Боливией (1932–1935 гг.)². В настоящей статье сделана попытка реконструкции биографии Я.К. Туманова, в том числе на основании источников, выявленных автором за последние годы.

Язон Константинович Туманов родился 2 октября³ 1883 г. в Тифлисе в семье князя Константина Георгиевича Туманова и Елизаветы Меликоновны (Германовны?), урожденной Карапетян⁴. В «Российской родословной книге», подготовленной князем П.В. Долгоруковым, о княжеском роде Тумановых приводятся следующие сведения. «*Древняя фамилия армянского происхождения, предки коей с отличием служили царям армянским из династии Багратидов, в особенности царю Феодору, в двенадцатом веке. После падения царства армянского, Тумановы переселились в Грузию, где получили в тринадцатом веке поместье Хейт-Убани и впо-*

¹ Губер К.П. Искомая комбинация слов не встречается... // Туманов Я. Мичмана на войне. СПб., 2002. С. 5—12.

² Кузнецов Н. Русский флот на чужбине. М., 2009. С. 305–309. Сведениями, приведенными в моей книге, широко воспользовался доктор политических наук, автор многочисленных публикаций по истории русской эмиграции в Парагвае и других странах Латинской Америки, заместитель директора Института Латинской Америки РАН по научной работе (1998–2016) Б.Ф. Мартынов в своей статье «Цусимец князь Язон Туманов в Парагвае», напечатанной в журнале «Латинская Америка» (2015. № 10. С. 67–80). К сожалению, в небольшом списке источников и литературы, приведенном в конце его работы, ссылки на мою монографию (откуда, помимо информации, господин Мартынов позаимствовал и фотографию Я.К. Туманова в форме офицера парагвайского флота, непонятно почему датирован ее 1935 г., хотя впервые опубликована она была в «Бюллетене Общества офицеров Российского Императорского флота в Америке» № 1 за 1954 г. (с. 3)) отсутствуют. Сама же статья изобилует грубыми ошибками. Например, ее герой назван «сыном и внуком боевых генералов» (Мартынов Б.Ф. Указ. соч. С. 68), что не соответствует действительности. Приводя единственную ссылку на воспоминания Туманова о Чакской войне, опубликованные в 1953–1954 гг. на страницах выходившего в США журнала «Морские записки», автор называет издание «Морским журналом» (Там же. С. 75). Хотя последний издавался в Праге в 1928–1942 гг. Большая же часть статьи посвящена общим рассуждениям Б.Ф. Мартынова на различные окологисторические и геополитические темы. Все ошибки Мартынова повторил (со ссылками на его вышеупомянутую статью и мифическую публикацию в «Морском журнале») любитель истории С. Балмасов в своей объемной книге «Русский штык на чужой войне» (С. 589–590), являющейся относительно связно составленной компиляцией из научно-популярных статей автора, напечатанных в разные годы в журнале «Солдат удачи», газете «Комсомольская правда» и других подобных изданиях, «разбавленных» пересказом мемуаров и архивных документов. Упомянув о Туманове, ту же работу Мартынова пересказала и Н.М. Емельянова в своей работе, посвященной генералу И.Т. Беляеву. В силу того, что автор не разбирается в вопросах военной и морской истории, получилась совсем уж несуразица. «*Окончив в 1904 году Морской кадетский корпус, он [Я.К. Туманов] был направлен во Вторую Тихоокеанскую эскадру, ведущую бои за Порт-Артур, который пал 20 декабря 1904 года. А затем, через полгода (27–28 мая 1905 г.) – участие в Цусимском сражении на броненосце “Орел”... [...] 28 марта 1920 года приказом генерала Врангеля с пометкой “за отличие” был произведен в капитаны 1-го ранга, и в тот же день князь Туманов покинул Родину, отправившись на корабле “Россия» в Константинополь, откуда с подразделениями барона Врангеля перебрался в Королевство Сербов, Хорватов и словенцев» (Емельянова Н. Один в поле воин. Белый генерал – вождь краснокожих. Иван Беляев. СПб. С. 224–225). При этом Емельянова ввела в научный оборот немало интересных источников по истории русской эмиграции в Парагвае, в том числе и по биографии Туманова.*

³ В работе К.П. Губера (С. 6) дата рождения Я.К. Туманова приведена ошибочно, как 20 октября. В большинстве документов она указана, как 2 октября. В послужном и формулярных списках отца 1901 и 1905 гг. приведена дата рождения 3 ноября (Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 432. Оп. 5. Д. 8636. Л. 6. Д. 9339. Л. 5).

⁴ РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 8636. Л. 2, 6; Д. 9339. Л. 2.

следствии возведены были в достоинство тавадзе (князей). Имя этой фамилии часто встречается в летописях Грузии»⁵. Род Тумановых, представителем которого был Я.К. Туманов, был утвержден в княжеском достоинстве, Высочайше подтвержденным 7 марта 1826 г. мнением Государственного Совета. Среди представителей рода упомянут и статский советник Георгий – дед нашего героя⁶. К.Г. Туманова сопричислили к роду определением Тифлисского Дворянского депутатского собрания от 17 ноября 1854 г. и указом Правительствующего Сената по Департаменту герольдии от 8 апреля 1855 г. 12 октября 1900 г. определением того же собрания к роду был причислен Я.К. Туманов⁷.

Князь Константин Георгиевич Туманов (1853/54 – ?) обучался в Императорском училище правоповедения, но полного курса наук не окончил, а в 17-летнем возрасте начал службу «сверх штата» во Втором мировом отделе (территориальном подразделении мирового суда) Тифлиса. В дальнейшем он служил преимущественно в полицейских и таможенных органах. 26 апреля 1903 г. он был утвержден в должности управляющего Астраханской таможней, 12 февраля 1904 г. за выслугу лет его произвели в статские советники⁸. Информацией о судьбе К.Г. Туманова после 1905 г. автор не располагает.

У Язона было четверо братьев – Лев (14 мая (ноября?)⁹ 1881 —?), Владимир (9 июня 1889¹⁰ – 16 (15?) сентября 1920), Иракий (22 января 1891—1 февраля 1947)¹¹ и Александр (13 июля 1898 —?)¹². И родители и дети придерживались армяно-григорианского вероисповедания.

Лев и Язон первоначально учились в Темир-Хан-Шуринском реальном училище¹³. Несмотря на то, что братья Тумановы, как уже упоминалось, не были сыновьями и внуками боевых генералов, как минимум трое из них избрали для себя военную карьеру. Язон и Владимир стали офицерами флота: в 1901 г. в Морской кадетский корпус поступил Язон, а четыре года спустя – Владимир¹⁴.

Я.К. Туманов окончил Морской корпус в 1904 г., сразу после начала Русско-японской войны. Это был так называемый Первый царский выпуск – лучших по успеваемости гардемарин сразу же направляли на корабли 1-й и 2-й Тихоокеанских эскадр. Туманов получил назначение на эскадренный броненосец «Орел», на котором совершил знаменитый переход 2-

⁵ Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. Часть третья. СПб., 1856. С. 483.

⁶ *Васильевич С.* Титулованные роды Российской Империи. Опыт подробного перечисления всех титулованных дворянских фамилий, с указанием происхождения каждой фамилии, а также времени получения титула и утверждения в нем. Т. I. СПб., 1910. С. 74–75.

⁷ РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 8636. Л. 4.

⁸ РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 9339. Л. 11 об.

⁹ В двух известных автору послужном и формулярных списках К.Г. Туманова (1901 и 1905 гг.) указаны разные месяцы рождения Л.К. Туманова – 14 мая (Там же. Д. 8636. Л. 6) и 14 ноября (Там же. Д. 9339. Л. 5).

¹⁰ Такая дата указана в большинстве документов. В послужном и формулярных списках отца 1901 и 1905 гг. приведена дата рождения 14 июня 1888 г. (Ф. 432. Оп. 5. Д. 8636. Л. 6. Д. 9339. Л. 5). При этом в свидетельстве о крещении указано, что В.К. Туманов родился 20 мая 1888 г. (Там же. Д. 9339. Л. 2).

¹¹ *Акопян А.* Воспоминания И. Туманова о падении Карса // *Պատմա-բնիւթագիտական հանդես* [Историко-филологический журнал]. 2016. № 2. Р. 199.

¹² РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 8636. Л. 6. Судя по тому, что в документах В.К. Туманова, поданных при поступлении в Морской кадетский корпус в 1905 г. в формулярном списке К.Г. Туманова среди его детей Александр не упомянут, можно предположить, что он скончался в период между 1900 и 1905 гг. (Там же. Д. 9339. Л. 5).

¹³ РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 8636. Л. 7.

¹⁴ Туманов Владимир Константинович. Родился в Нахичевани. До поступления в Морской кадетский корпус учился в Астраханском реальном училище. Корабельный гардемарин (6.05.1909); мичман (18.04.1910). В 1910–1913 гг. служил в Сибирском флотском экипаже, а затем на Балтийском флоте. Вахтенный начальник на крейсере «Аскольд» (12.11.1910), транспорте «Кольма» (16.03.1911), крейсере «Жемчуг» (14.11.1912). Лейтенант (6.04.1914). Во время Гражданской войны участвовал в Белом движении на Юге России в составе Черноморского флота. Старший лейтенант (28.03.1920). Командир дивизиона тральщиков. Убит в бою в Таганрогском заливе (РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 4263; Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений Морского ведомства. Пг., 1916. С. 328; *Валков С.В.* Офицеры флота и Морского ведомства. Опыт мартиролога. М., 2004. С. 482).

й Тихоокеанской эскадры под командованием вице-адмирала З.П. Рожественского, закончившийся Цусимским сражением. События данного периода подробно описаны в его воспоминаниях «Мичмана на войне», составляющих основную часть этой книги.

В начале 1906 г. Я.К. Туманов вернулся в Россию, и в августе того же года был назначен вахтенным начальником на крейсер «Память Азова»¹⁵. В феврале 1907 г. мичман Туманов назначается штурманским офицером на минный крейсер (эскадренный миноносец) «Уссуриец». Из-за многочисленных поломок корабль длительное время находился в ремонте, и в летние кампании 1907–1908 гг. Язон Константинович был назначен командиром охранного катера № 2 Петергофской морской охраны, несшей службу в районе Императорской резиденции. 6 декабря 1907 г. Туманова произвели в чин лейтенанта.

В 1910 г. Я.К. Туманова перевели на Каспийскую флотилию и назначили ревизором недавно вступившей в строй канонерской лодки «Карс». Командовавший кораблем капитан 2-го ранга П.К. Сыровяткин 26 августа 1910 г. отметил чрезвычайное происшествие, в котором довелось отличиться Язону Константиновичу. *«При разрыве медной трубки в машине при заводской пробе, когда машинное отделение заполнилось удушливым нефтяным дымом и все выскочило из отделения наверх, лейтенант князь Туманов первый, даже без моего приказанья, бросился вниз убедиться, что никого не повредило, и что никто не остался в машине»*¹⁶.

С 1911 г. князь Туманов более трех лет находится в заграничном походе на Средиземном море на борту канонерской лодке «Хивинец». Командир корабля капитан 2-го ранга В.Н. Азарьев в аттестации от 25 августа 1913 г. (данной за период службы с 9 мая по 5 августа 1913 г.) написал о своем подчиненном: *«Человек, выдающийся по своему поразительному умению держать себя как по отношению к команде, так и [по] отношению к начальникам и сослуживцам-офицерам. Отличаясь безукоризненной честностью, лейтенант Туманов прекрасно знает и понимает обязанности ревизора. Пользуется заслуженным уважением и любовью в кают-компании»*¹⁷.

9 октября 1913 г. Я.К. Туманова зачислили в Николаевскую морскую академию (военно-морской отдел), но с началом Первой мировой войны он прекратил учебу и перевелся на Черноморский флот. 6 декабря 1914 г. Язона Туманова произвели в старшие лейтенанты.

На Черноморском флоте он служил старшим офицером на эсминце «Капитан-лейтенант Баранов» (17 декабря 1914 г. – 18 февраля 1915 г.), затем командовал эсминцем «Живучий» (до 16 сентября 1915 г.). Начальник 4-го дивизиона эскадренных миноносцев Минной бригады Черноморского флота капитан 2-го ранга И.И. Подъяпольский восторженно отзывался о Туманове 5 сентября 1915 г. *«Лихой моряк и командир миноносца. Службу и судно очень любит, обязанности несет честно и в высшей степени добросовестно. Хорошо развито чувство долга. Храбр, решителен, находчив, распорядителен и очень спокоен. Честолюбив. Честен. Имеет большую инициативу и самостоятельность. Обладает большими способностями и отличной памятью. Очень интересуется военно-морским делом. Отличный морской глаз. У подчиненных и товарищей пользуется любовью и уважением за приятный, милый и общительный характер, имеет достаточный авторитет. Выработается отличный командир любого судна. Весьма ценен, и безусловно пригоден к службе»*¹⁸. Служба на миноносцах была напряженной и опасной, но при этом скучать не давала. Один из ее эпизодов Туманов описал в некрологе своему соплавателю лейтенанту Э.И. Страутингу. *«Живучий» прикомандированный к Батумскому отряду, возвращался из очередного крейсерства у Лазистанских берегов. Как было у нас принято в блокадной службе миноносцев, мы ходили вплотную к бере-*

---

¹⁵ Основные вехи служебной биографии Я.К. Туманова в период до 1913 г. приведены по: Губер К.П. Указ. соч.; в период 1913–1917 гг. по: РГАВМФ. Ф. 873. Оп. 18. Д. 202. Л. 4–4 об.

¹⁶ РГАВМФ. Ф. 873. Оп. 18. Д. 202. Л. 21.

¹⁷ РГАВМФ. Ф. 873. Оп. 18. Д. 202. Л. 7.

¹⁸ РГАВМФ. Ф. 873. Оп. 18. Д. 202. Л. 29.

гам, заглядывая и обнюхивая каждую бухточку. Проходя мимо реки Архаве, где в то время упирался в море турецкий фронт, «Живучий» чересчур близко подошел к вражеским позициям, и внезапно был обстрелян энергичным пулеметным огнем. Кладя лево на борт и давая полный ход машинам, я кричу людям уходить на подбойный борт, в укрытие за высоким котельным кожухом и трубами. Все смываются в мгновение ока, и остается лишь один Эд [Э.И. Страутинг. – Н.К.], чтобы высмотреть местоположение пулемета, что ему и удается, и «Живучий» вкатывает туда десятка два 75-мм снарядов»¹⁹.

14 октября 1915 г. Туманов был назначен исполнять должность старшего флаг-офицера по оперативной части штаба командующего Флотом Черного моря. В декабре 1915 г. Туманов служил военным цензором в штабе командующего Черноморским флотом. 30 июля 1916 г. он получил чин капитана 2-го ранга за отличие по службе. 14 января 1917 г. его назначили помощником начальника по разведывательной части штаба командующего флотом Черного моря. Октябрьский переворот 1917 г. застал его в должности командира вспомогательного крейсера «Император Траян», в командование которым он вступил 21 мая 1917 г.²⁰.

Служба князя Туманова в период Гражданской войны оказалась весьма разнообразной. После развала России и ее вооруженных сил он отправился в ставшую независимой Армению, где недолго командовал Охранной флотилией Армянской республики на озере Севан²¹. Затем он прибыл в Одессу, где некоторое время служил в так называемом флоте Украинской Державы (существовавшем на бумаге, но давшем возможность выжить многим морским офицерам в тяжелое время). Как только началось формирование флота, подчиненного командованию Добровольческой армии, Язон Константинович сразу же отправился в Екатеринодар, а затем в Новороссийск и Севастополь. Он командовал (впрочем, возможно, лишь «на бумаге») Волжско-Каспийской флотилией Астраханского краевого правительства (до начала января 1919 г.),²² затем занимал должность флаг-капитана 2-го речного отряда Речных сил Юга России. После оставления антибольшевистскими силами Одессы в начале апреля 1919 г. Туманов на транспорте «Caucase» (под французским флагом) в числе других эвакуированных

¹⁹ Туманов Я.К. Вместо венка на могилу лейтенанта Э.И. Страутинга // Морской журнал. 1936. № 5–6 (101–102). С. 23–24.

²⁰ [Таубе] Г.Н. Памяти капитана 1-го ранга князя Язона Константиновича Туманова // Морские записки. 1956. № 1. С. 70. РГАВМФ. Ф. 651. Оп. 1. Д. 94. Л. 51, 53 (информация предоставлена А.Ю. Емелиным).

²¹ [Таубе] Г.Н. Указ. соч. С. 70–71. К сожалению, не совсем ясно, о какой из флотилий идет речь. В Первой Республике Армения (существовала с 28 мая 1918 г. по 2 декабря 1920 г.) и предшествовавшего ей Закавказского комиссариата (коалиционного правительства, созданного в ноябре 1917 г. в Тифлисе с участием грузинских меньшевиков, эсеров, армянских дашнаков и азербайджанских мусаватистов) было предпринято несколько попыток создания «независимых флотов» (в т. ч. и армянского). О первой из них, относившейся к концу 1917 – началу 1918 гг. рассказал советский адмирал и талантливый писатель, адмирал флота Советского Союза И.С. Исаков в своем неоднократно публиковавшемся рассказе «Дашнаки теряют своего флагмана». Будучи мичманом, он получил в Петрограде предложение от Армянского военного комиссара генерал-майора Я.Г. Багратуни возглавить «Горно-озерную Ванскую флотилию Армянской республики». На озере Ван существовала флотилия, входившая в Урмийско-Ванскую флотилию, сформированную в январе 1916 г. (Черников И.И. Русские речные флотилии за 1000 лет (907—1917). СПб., 1999. С. 97). Скорее всего, что ее корабли и суда планировалось использовать при создании флотилии, упомянутой Исаковым. Существовал свой флот (с главной базой в Батуми) и в составе Закавказского комиссариата. Большая часть его кораблей и офицеров составила основу флотилии Грузинской республики, провозгласившей независимость в конце мая 1918 г. и существовавшей до марта 1921 г. Об истории флота Закавказского комиссариата Я.К. Туманов писал на страницах пражского «Морского журнала» (не упоминая как-либо о своем участии в его создании и деятельности; подробнее см.: Кузнецов Н.А. К истории флота Закавказского комиссариата (по воспоминаниям эмигрантов) // Гражданская война в России и Орловско-Кромское сражение 1919 года. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию Орловско-Кромского сражения 1919 года 12–13 ноября 2009 г. Орел, 2010. С. 67–73). О судоходстве на озере Севан в период Гражданской войны существует лишь одно упоминание: «Перевозкой военных грузов в эти годы [1918–1920] занимались несколько моторных галер [так в тексте. – Н.К.] и двухмачтовый парусник “Ашот Еркат”, на котором была установлена пушка, два пулемета и большой прожектор» (Даниелян Н. Севанский флот, кому он нужен? Как «Сестрица Нюша» превратилась в Гегануш // Sputnik Армения. 2018. 5 августа. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/society/20180805/13673266/istoriya-novyh-i-staryh-flotov-sevana-ili-kak-sestrica-nyusha-prevratilas-v-geganush.html> (Дата обращения 18.03.2019 г.)). Сам же Я.К. Туманов упоминает о том, что он покинул Закавказье в августе 1918 г. (Туманов Я. К статье капитана Н. Шугурова «Закавказский Флот» // Морской журнал. 1932. № 1 (49). С. 9.

²² РГАВМФ. Ф. р-87. Оп. 1. Д. 19. Л. 101, 121.

прибыл на греческий остров Халки (в то время находившийся под итальянским контролем). Пробыв там некоторое время, он отправился в Новороссийск. Эти события подробно описаны в воспоминаниях, озаглавленных «Одесса в 1918—19 гг.», впервые опубликованных на страницах «Морских записок» и перепечатанных в этой книге.

После возвращения в Россию Туманов служил штаб-офицером для поручений начальника штаба Морского управления Вооруженных сил Юга России. В некрологе упомянуто о том, что Язон Константинович Туманов с июня 1919 г. стал начальником «Отдела морской контрразведки всех портов Черного моря»²³. Севастопольский историк В.В. Крестьянников пишет в своей работе, посвященной Белой контрразведке в Крыму в период Гражданской войны: «Активизация [большевистского] подполья по времени совпадает с формированием в Севастополе особого отделения Морского управления в октябре 1919 г. (одновременно был расформирован Севастопольский пункт этого отделения). Генерал А.И. Деникин остерегался привлечь к контрразведывательной службе бывших жандармских офицеров, и поэтому во главе Особого отделения был поставлен морской офицер, капитан 2-го ранга Я.К. Туманов»²⁴. Исходя из приведенных Крестьянниковым данных получается, что Я.К. Туманов занимал должность начальника Особого отделения до начала июня 1920 г., когда его сменил старший лейтенант А.П. Автамонов (ранее бывший помощником Туманова)²⁵.

Главной задачей Особого отделения являлась борьба с большевистским подпольем, проводившаяся небезуспешно. Так, в период с 22 декабря 1919 г. по 13 января 1920 г. на линкоре «Георгий Победоносец», эсминцах «Пылкий», «Капитан Сакен» и других арестовали 18 матросов, многие из которых являлись членами подпольных групп²⁶. 24 января 1920 г. по приказу Туманова взяли под стражу шпиона большевиков П.В. Макарова, действовавшего под видом адъютанта командующего Добровольческой армией генерала В.З. Май-Маевского; правда, Макарову вскоре удалось бежать²⁷. 28 марта 1920 г. Туманова произвели в чин капитана 1-го ранга²⁸. В некрологе отмечено, что «...в 1920 г. князь... назначается комендантом транспорта «Россия», на котором и эвакуируется в Константинополь, куда с другим парходом прибывает его семья»²⁹. Комендантом транспорта «Россия» Туманов был назначен 23 августа 1919 г. приказом главного командира флота и портов Черного и Азовского морей вице-адмирала М.П. Саблина № 1785³⁰. Возможно, что на момент Крымского Исхода Я.К. Туманов получил это назначение второй раз. Незадолго до эвакуации погиб младший брат Язона Константиновича – Владимир.

Из Константинополя Туманов с семьей переехал в Королевство СХС (сербов, хорватов и словенцев). Здесь он пытался участвовать в организации предприятия по переработке молочных продуктов, которое создавал контр-адмирал С.В. Евдокимов. Помимо Туманова в этом участвовал капитан 1-го ранга Д.Г. Андросов. 13 июня 1922 г. Евдокимовым была получена от военно-морского агента (атташе) в королевстве СХС капитана 2-го ранга Б.П. Апрелева ссуда в размере 11 905 динаров. Эти, довольно большие деньги были выделены морякам с разреше-

---

²³ [Таубе] Г.Н. Указ. соч. С. 71.

²⁴ Крестьянников В.В. Белая контрразведка в Крыму в гражданскую войну // Севастополь: взгляд в прошлое. Научные статьи сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь, 2006. С. 210.

²⁵ Крестьянников В.В. Белая контрразведка в Крыму в гражданскую войну // Севастополь: взгляд в прошлое. Научные статьи сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь, 2006. С. 213.

²⁶ Крестьянников В.В. Белая контрразведка в Крыму в гражданскую войну // Севастополь: взгляд в прошлое. Научные статьи сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь, 2006. С. 211.

²⁷ Макаров П.В. Адъютант Его Превосходительства. Кто он? М., 1992. С. 49–53.

²⁸ Мартиролог русской военно-морской эмиграции по изданиям 1920–2000 гг. М. – Феодосия, 2001. С. 136.

²⁹ [Таубе] Г.Н. Указ. соч. С. 71.

³⁰ Типографский экземпляр приказа из личного архива А.В. Плотто (1920–2018). Копия из архива автора.

ния Особого совещания в Париже от 9 июня того же года³¹. Но, судя по всему, молочное производство не заладилось, и в 1924 г. семья Тумановых решила отправиться за океан.

Первоначально они прибыли в Уругвай. О перипетиях Туманова и его спутника генерал-майора Н.Ф. Эрна на пути в Южную Америку рассказала в своей книге Н.М. Емельянова (со слов дочери Эрна – Наталии Николаевны). *«Отчаявшись найти себе применение в Европе, князь Туманов с женой Надеждой (дочерью действительного статского советника Владимира Чабовского) отправился в Бразилию. Туда их звали друзья, там можно было купить землю. Но Эрну и Туманову не повезло: они уже были в пути, когда в Бразилии началась революция, таковые здесь порой сопровождают смену партий³². Так или иначе, русским пассажирам не дали бразильской визы, и они проследовали в Уругвай. Надо было как-то устроиться. Князь Туманов нашел работу в порту, его жена играла в немом кинематографе, где фильмы шли под аккомпанемент»³³*. В 1925 г., по приглашению генерала И.Т. Беляева (о котором будет рассказано ниже), Тумановы прибыли в Парагвай. Там Язон Константинович поступил на должность преподавателя в учебное заведение, готовившее офицеров для парагвайского флота. Свои первые впечатления об этой южноамериканской стране Я.К. Туманов изложил в письме от 21 ноября 1925 г., адресованном капитану 1-го ранга В.И. Дмитриеву – русскому военно-морскому агенту в Париже³⁴. Туманов обратился к нему с просьбой помочь приобрести учебные пособия по различным морским дисциплинам и рассказал о своей жизни за океаном.

«В данное время взоры многих русских эмигрантов обращены на Америку и, т. к. С[еверная] Америка ныне для нас недостижима, то центр внимания перенесен на Южную. Из 4-х ближайших к Европе стран Ю[жной] Америки, с которыми мне пришлось познакомиться – Бразилии, Аргентины, Уругвая и Парагвая, – страной наибольших для нас возможностей является последняя. В культурном отношении она самая отсталая, и именно поэтому ей нужны чужие культурные силы. Страна, вдали от большого пути в Европу, без прямой с ней связи, с самой низкой в Ю[жной] Америке валютой, она мало привлекает к себе европейцев, которыми наводняются в последнее время прочие упомянутые мной страны, и, благодаря этому, непосильная для нас конкуренция с европейцами не имеет здесь места.

Здесь, в Парагвае, русское имя стоит на той же высоте, на которой оно стояло тогда, когда была жива Россия. Здесь не сводят всех русских под одну общую рубрику “русского беженца”, набившего всем и всюду оскомину, а на русского генерала смотрят также, как смотрят на генерала французского или немецкого, точно также и на русского инженера, купца или мастерового. Одним словом, я хочу сказать, что здесь в Парагвае вещь совершенно недопустимая, чтобы русский генерал служил швейцаром, кап [итан] 1-го ранга – чернорабочим на фабрике, а русский архитектор месил бетон на постройке дома. Небольшое число живущих здесь русских работают каждый в той же среде и обстановке, в которой они работали у себя дома. Парагвай – страна, находящаяся в данное время в горячем периоде своего возрождения после своей последней войны, бывшей, правда, более 40 лет тому назад, но столь ожесточенной (во время этой войны было вырезано почти поголовно все мужское население

---

³¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5903. Оп. 1. Д. 520. Л. 27, 105.

³² Речь идет об антиправительственном мятеже 5 июля 1924 г., в штате Сан-Паулу под руководством отставного генерала Изидору Лописа. Несмотря на поддержку населения штата, правительственные войска достаточно быстро подавили это выступление, но оно успело спровоцировать серьезные волнения в ряде штатов, также недовольных внутренней политикой правительства. После поражения в Сан-Паулу революционеры сконцентрировали свои силы в самом южном штате страны, Риу-Гранди-ду-Сул. Ими был сформирован вооруженный отряд из 1500 человек, который возглавил капитан Луис Карлос Престес. Этот отряд, получивший название «Колонна Престеса», в течение двух с половиной лет перемещался по всей стране, пройдя в общей сложности 25 000 км. Уходя от прямых столкновений с правительственными войсками, колонна Престеса держала правительство в постоянном напряжении. Лишь в 1927 г. движение потерпело окончательное поражение, и его последние участники укрылись в Боливии.

³³ Емельянова Н. Указ. соч. С. 225.

³⁴ В.И. Дмитриев занимал свою должность вплоть до признания Францией СССР в 1924 г. и, используя имеющиеся в его распоряжении средства, старался помогать русским морякам, находившимся в разных странах мира.

страны)³⁵, что страна на ноги начинает становиться только теперь. Перехожу к области наиболее для нас интересной, а именно – военно-морской.

У Парагвая есть подобие флота в зачаточном состоянии. Дело речной обороны страны живо интересует правительство благодаря тому, что обширная речная система страны (р[еки] *Parana, Paraguay и Pilcomayo*) соединяют Парагвай с его соседями, с одним из которых (Боливия), его вероятным противником, у него имеются старые счеты. Личный состав флота чудесный, как сырой материал, почти полный нуль по знаниям военно-морского дела. Я приглашен Парагвайским правительством на скромную роль профессора гардемаринских классов при их военном училище, но, по-видимому, мне придется играть здесь роль военно-морского инструктора. При этих условиях естественно, что любой приехавший сюда наш морской офицер, в особенности, если он – специалист, найдет здесь работу в своей сфере и обеспечит себе безбедное существование и подобающее положение в обществе.

Если мысль приехать сюда улыбнется кому-нибудь из моряков, пусть уведомит меня, и я охотно дам ему полную информацию по всем интересующим его вопросам.

Естественно, что необходимо соблюдение одного неременного условия – хотя бы элементарное знание испанского языка. Но для знающего язык французский, изучение испанского не представляет никаких затруднений. Язык очень легкий»³⁶.

Отметим, что среди моряков-эмигрантов примеру Туманова последовали совсем немногие. Из тех, кто приехал в Парагвай в 1920—1930-е гг., известны лишь двое – лейтенанты В.Н. Сахаров (1887 – после 1944) и В.А. Парфененко (1893 —?)³⁷.

Туманов был далеко не первым выходцем из бывшей Российской империи, приехавшим после окончания Гражданской войны искать счастья в Парагвай. Русская колония существовала здесь с начала 1920-х гг. К моменту приезда Туманова она насчитывала более сотни человек. В силу того, что страна остро нуждалась в хозяйственном освоении территорий, покрытых непроходимыми джунглями, необработанные земли предоставлялись всем желающим. Правда, для получения какого-нибудь дохода требовалось приложить поистине титанические усилия, не всегда приводившие к успеху. Но ничто не пугало русских эмигрантов, многие из которых были бывшими офицерами и солдатами белых армий, успевших «хлебнуть лиха» и в России, и в эмиграции.

Инициатором активного участия русских в колонизации Парагвая стал генерал-майор Иван Тимофеевич Беляев (1875–1957). Участник Белого движения, он обосновался в Парагвае с 1924 г. В 1924–1931 гг. он совершил 13 экспедиций в область Чако, в результате которых многие неизвестные ранее территории были нанесены на карты, а кроме того, получена масса ценной этнографической информации. Именно благодаря русскому генералу и его сподвижникам территория Чако (историко-географический регион в Южной Америке, в который входит ряд районов Парагвая и сопредельных с ним стран) перестала быть загадкой³⁸. Беляев пишет о том, что Я.К. Туманов прибыл в Парагвай по его приглашению, вслед за генерал-майором Н.Ф. Эрном, отмечая при этом, что «оба клялись мне в верности, как главному своему начальнику в русском деле в Парагвае и единственному представителю перед зарубежной эмиграцией,

³⁵ Речь идет о войне Парагвая с Бразилией, Аргентиной и Уругваем в 1866–1870 гг., ставшей для страны национальной катастрофой. Парагвай потерял почти половину территории, население уменьшилось на 60–70 %, в том числе мужское население, по некоторым оценкам, сократилось в 9 раз.

³⁶ ГАРФ. Ф. 5903. Оп. 1. Д. 24. Л. 42–43 об.

³⁷ Подробнее см.: *Кузнецов Н.* Указ. соч. С. 309–311. Не исключено, что Сахаров оказался в Южной Америке даже раньше Туманова. 17 августа 1921 г. русский военно-морской агент в Италии Д.В. фон Ден просил помощника военно-морского агента в Париже капитана 2-го ранга В.В. Яковлева ускорить высылку ссуды в размере 1000 франков, обещанной некоему старшему лейтенанту Сахарову. Деньги были ему необходимы для переезда в Южную Америку. Фон Ден характеризовал просителя, как «человека вполне основательного» (ГАРФ. Ф. 5903. Оп. 1. Д. 139. Л. 6). Скорее всего, речь шла именно о Вадиме Николаевиче Сахарове.

³⁸ *Ожороков А.В.* Русские добровольцы. М., 2004. С. 90–93.

что тотчас нарушили, открыто приняв сторону Бобровского³⁹ и начав бойкотировать все, что я делал для вызова эмиграции в Парагвай»⁴⁰. Сам Туманов не упоминает о каких-либо конфликтах с Беляевым, да неизвестно, были ли они, а если были, то как долго продолжались. Для этих обоих выдающихся представителей России Парагвай стал настоящей второй Родиной. Возможно, что причиной такого отзыва Беляева о Туманове служил непростой характер генерала, иногда приводивший к конфликтам с другими представителями русской диаспоры, также более реалистичный взгляд Туманова на создание масштабной русской колонии в Парагвае, о чем речь пойдет ниже.

Через некоторое время после прибытия в Парагвай дом Тумановых стал одним из центров русской колонии в Асунсьоне. Об этом рассказал в своих воспоминаниях сподвижник Беляева – Г. Фишер, судя по всему, не очень доброжелательно относившийся к Я.К. Туманову. Его воспоминания ввела в научный оборот Н. Емельянова. «Беляев [своим стремлением к исследовательской работе и созданию масштабной русской колонии] был непонятен даже ближайшему окружению. Поэтому “начались попытки выдвижения новых центров объединения”. Первым таким центром стал великосветский салон у князя Туманова. Как едко заметил Георгий Фишер, “пользуясь созвучием своей фамилии с фамилией Романова, он ничего не имел против, что парагвайцы путали обе эти фамилии и считали его членом бывшего царствующего дома. Это льстило его самолюбию и могло оказаться материально выгодным”. В большом и добротном доме Тумановых были организованы субботы – вечера, когда собиралась вся русская колония. Давались официальные балы, на которые приглашались высокопоставленные парагвайцы – “и бывшие президенты, и братья министров, и прочие важные сановники”. Русская колония являлась на эти вечера практически в полном составе – “генералы, шоферы, инженеры и торговцы вразнос”. Все выражали глубочайшее почтение хозяйке салона, княгине Тумановой. Дам не хватало, и молодые люди наперебой ангажировали их на танцы. В конце концов они стали “являться в пьяном виде, вести себя неприлично и как-то даже собрались друг другу морду бить”»⁴¹.

Многие русские офицеры навсегда вписали свои имена на страницы военной истории Парагвая, приняв участие в войне с Боливией. Она велась из-за пограничной нефтеносной территории Чако-Бореаль (между реками Парагвай и Пилькомайо) и получила название Чакская война. Ей предшествовал конфликт 1928–1930 гг., начавшийся сразу после обнаружения в области Чако нефти, но закончившийся восстановлением дипломатических отношений и выводом боливийских войск из форта Вангвардия, занятого в ходе военных действий. Еще одна причина войны заключалась в том, что Боливия добивалась выхода к морю через реки Парагвай и Пилькомайо.

В ходе войны Парагвай получал помощь оружием от Аргентины и Италии, Боливия – от Чили, Перу, США и различных стран Европы. В 1932 г. Боливийскую армию пополнили 120 германских офицеров во главе с генералом Г. Кундтом. В 1935 г. парагвайские войска вступили на боливийскую территорию; в июне того же года под Ингави состоялось последнее сражение, закончившееся победой Парагвая. После ряда тяжелых поражений Боливия в июне 1935 г. согласилась на заключение перемирия; 28 октября между странами был подписан мир. В июле 1938 года в Буэнос-Айресе был подписан окончательный договор о границе между Парагваем и Боливией, согласно которому примерно две трети спорной территории отошли к Парагваю, одна треть – к Боливии. В Чакской войне противоборствующие стороны понесли

---

³⁹ Речь идет о полковнике, военном инженере Сергее Павловиче Бобровском (1875–1956), жившем и работавшем (в области дорожного строительства) в Парагвае с 1925 по 1949 г.

⁴⁰ Беляев И.Т. Записки русского изгнанника. СПб., 2010. С. 375.

⁴¹ Емельянова Н. Указ. соч. С. 262.

большие людские потери, а оба государства оказались экономически истощены. Эта война считается самой кровопролитной в XX веке в Латинской Америке⁴².

К началу войны на службу парагвайского военного ведомства поступили 19 русских офицеров, два врача и ветеринар – более 20 % состава русской колонии в стране. Всего же в Чакской войне участвовало около 80 выходцев из России, из которых (по разным данным) от пяти до семи погибло в боях (в честь погибших названы несколько улиц столицы Парагвая – Асунсьона). Генерал Беляев командовал крупными соединениями парагвайской армии, а в 1932 г. его назначили инспектором артиллерии при штабе командующего парагвайскими войсками в Чако полковника Х. Эстигаррибиа. Вскоре Беляев стал дивизионным генералом, а в апреле следующего года – начальником Генерального штаба парагвайской армии.

По словам эмигранта, генерал-лейтенанта Н.Н. Стогова: *«Наши моряки дали свой много-сторонний опыт личному составу парагвайских речных канонерок, а наши врачи и ветеринары поставили на должную высоту санитарную и ветеринарную службы в армии. Наши топографы и частью офицеры Генштаба значительно подвинули вперед дело снабжения войск картами и планами, а наши инженеры, а также офицеры Генштаба научили и фортификационному, и дорожному строительству. Одним словом, нет, кажется, ни одной области военного дела, к которой наши русские офицеры-эмигранты в Парагвае не приложили бы своих рук и не внесли бы своих знаний и опыта»*⁴³.

В конце 1928 г., с началом первого этапа вооруженного противостояния между Парагваем и Боливией, Я.К. Туманов был назначен советником командующего речными силами, действовавшими на севере страны. После этого он выехал в район боевых действий, где оказывал консультационную помощь парагвайским морякам. Основой военно-морских сил Парагвая были пять речных канонерских лодок, построенных в 1902–1930 гг.

Событиям конца 1928 г. – начала 1929 г., предшествующим Чакской войне, посвящены воспоминания князя Туманова «Как русский морской офицер помогал Парагваю воевать с Боливией», напечатанные в 1953–1954 гг. и опубликованные в этой книге. Туманов характеризовал события первых дней конфликта не иначе как *«веселая война»*, поскольку национальный менталитет южноамериканцев в полной мере проявился и в военном управлении. Постоянные кутежи, необычайное радушие парагвайцев, и в то же время потрясающая неорганизованность во многих вопросах, начиная от задержек с выдачей денег на обмундирование (*«Да, у нас матросов так не отправляли в командировку!»*) и заканчивая планированием военных операций.

Чакская война 1932–1935 гг. оказалась уже не столь «веселой». С ее началом Туманову присвоили звание капитана 2-го ранга, и он получил назначение на *«очень хлопотливую и скучную должность»* начальника отдела личного состава флота. Иногда ему удавалось принимать участие в отдельных экспедициях. Задачей одной из них стало исследование Зеленой реки (Río Verde) на предмет ее использования для подвоза грузов для армии. По словам Туманова, *«это было 9-дневное плавание в хаосе первых дней мироздания, ибо по этой реке до него [автора. – Н.К.], если кто и плавал, то разве лишь индейцы на своих пирогах в доисторические времена. Река, после исследования автором, была в некоторой своей части использована для провоза грузов для армии»*.

В 1933 г. на страницах «Часового» Я.К. Туманов опубликовал письмо, написанное им в качестве ответа на речь А.И. Деникина (напечатанную в парижской газете «Последние новости»), в которой генерал говорил о бессмысленности русских жертв в Чакской войне. Мысли, высказанные в нем, созвучны тому, что Туманов писал в 1925 г.: *«...Парагвай – одна из немногих, если не единственная страна под луной, где нет и не было “русских беженцев”. Здесь были и есть русские, как были и есть французы, немцы и англичане. Эта маленькая и бедная страна*

---

⁴² Подробнее см.: Ожороков А.В. Указ. соч. С. 92–99.

⁴³ Стогов Н.Н. Парагвай и русские офицеры // Часовой. 1936. № 174. 15 сентября. С. 15–16.

нас приняла с самого же начала так, как она принимает представителей любой страны, и никогда не отводила нам свои задворки, хотя за нашей спиной не стояли ни консулы ни полномочные министры и посланники.

Небольшая русская белая колония уже много лет живет здесь так, как, наверное, она жила бы у себя на родине: русские доктора здесь лечат, а не играют на гитарах в ресторанах, русские инженеры строят дороги и мосты, а не вышивают крестиками, русские профессора читают лекции, а не натирают полы, и даже русские генералы нашли применение своим знаниям, т. е. служили в военном ведомстве и титуловались, несмотря на скромный штатский пиджачок, почтительно, – “*mi general*”.

Здесь, в Парагвае, никто из русских не слышит упреков в том, что он ест парагвайский хлеб, что он здесь засиделся, что пора, мол, и честь знать. Его не допекают никакими паспортами, никто не неволит принимать гражданство и делаться парагвайцем. Русские искренно и глубоко привязались к этой маленькой и бедной стране и ее народу, особенно тепло оценив его гостеприимство после скитаний по бывшим союзническим и несоюзническим странам. Некоторых, без всякого насилия с чьей бы то ни было стороны, по тем или иным соображениям, приняли уже и парагвайское гражданство.

И вот, над приотлившей их страной стряслась беда: на нее напал сосед, трижды сильнее ее. Страна поднялась на защиту своих прав и своего достоинства.

Что же должны делать старые русские бойцы, ходившие на немца, турка и на 3-й интернационал и много лет евшие парагвайский хлеб? Сложить руки и сказать приотлившему их народу: – “Вы, мол, деритесь, а наша хата с краю; наши жизни могут пригодиться нашей собственной родине?”... Конечно – нет. [...]

Говоря о красоте любви, положивших душу за други своя, Христос отнюдь не предполагал, что други свои могут встречаться только среди соотечественников! [...]

Что говорить: русские могилы под тропиком Козерога и донской казак и псковский драгун, погибшие, хотя и **со славой** [выделено автором. – Н.К.] на боливийских окопах, конечно, это трагедия. Но право же, еще большая трагедия – бесславная смерть таких же славных русских офицеров, быть может, их же боевых товарищей, где-нибудь под ножом хунхуза, в Маньчжурии, под вагонеткой мины Перник в Болгарии, или под маховым колесом германской фабрики во Франкфурте на Майне! А эти трагедии, в свою очередь, лишь маленькие капельки в безбрежном океане страшных и бессмысленных трагедий, разыгрывающихся, вот уже пятнадцать лет, с самого начала “светлой и бескровной революции”, над всем несчастным русским народом»⁴⁴.

Активная деятельность генерала Беляева, мечтавшего создать в Парагвае «русский очаг» с населением 50 000 человек, вызвала большой интерес у русских эмигрантов в Европе, многие из которых мечтали вырваться из нищеты, переселившись за океан. Увы, но масштабную русскую колонию на парагвайской земле создать не удалось по ряду причин. Во-первых, как показал опыт, планы Беляева были чересчур оптимистичными, а во-вторых, на ситуацию серьезно повлияла начавшаяся война с Боливией. После практически каждой публикации в эмигрантских изданиях о жизни русских в Парагвае на представителей русской колонии в этой стране обрушивался буквально шквал писем от желающих перебраться в Парагвай.

В 1934 г. Туманов был вынужден выступить на страницах «Морского журнала» со статьей, озаглавленной «К вопросу о переселении в Парагвай» и адресованной прежде всего своим коллегам – морским офицерам. В ней он писал: «Самое существенное, на что я должен, прежде всего, обратить внимание своих соотечественников, это – Парагваю **не нужны** [здесь и далее разрядка автора. – Н.К.], к сожалению, иностранные морские офицеры, во-первых, в силу специфических условий речного плаванья, и, во-вторых, потому что у него имеется свое

---

⁴⁴ Туманов Я. Письмо в редакцию // Часовой. 1933. № 105. Июнь. С. 22.

училище, выпускающее флотских офицеров для своего маленького речного флота. Не вызвала нужды в иностранных морях даже наша война с Боливией, ибо врагу ни разу не удалось пробиться к берегу реки, когда наш флот принял бы участие в боевых операциях. В настоящее же время боливийская армия, многократно битая, отброшена еще дальше от реки в глубь Чако. Поэтому роль флота свелась к чисто транспортной службе и многие парагвайские флотские офицеры дерутся в рядах армии на сухопутном фронте». Описав затем и непростые, на тот момент, перспективы для представителей гражданских специальностей, автор отметил: «Парагвай – страна будущего и широкого поля деятельности в любой отрасли человеческих знаний, но отнюдь не сейчас. Надо выждать окончания войны и еще некоторого времени после нее, чтобы дать ему перевести дух и заделать бреши, нанесенные тяжелой войной с сильным соседом.

Страна прекрасная, с теплым, но здоровым климатом. Русским, давно сюда приехавшим и осевшим здесь в лучшие времена, живет здесь, как у себя на родине. Таковую они и считают эту маленькую страну, и когда над ней стряслась беда, бывшие русские офицеры пошли на ее защиту в рядах ее армии и многие сложили за нее свои головы. За это нас здесь любят и ценят, и когда появятся к тому реальные возможности, всякий честный и умеющий что-либо делать русский легко найдет здесь и кров и стол, ибо ему будет отдано предпочтение перед всяким иным иностранцем»⁴⁵.

Из статьи видно, что за девять лет, прошедшие с приезда Туманова в Парагвай, произошли некоторые изменения в стране, а со временем изменилось и восприятие многих вещей Тумановым и другими русскими эмигрантами, прочно обосновавшимися в Парагвае. Отметим все же, что в дальнейшем численность русской колонии увеличилась, хотя и далеко не в таких масштабах, о которых мечтал Беляев.

После окончания войны князь Я.К. Туманов остался служить в парагвайском флоте, занимая должность советника морской префектуры (органа управления флотом). При этом он принимал активное участие в жизни русской колонии. С 1939 по 1954 г. Туманов состоял уполномоченным главы Российского Императорского дома (имеется в виду Великий Князь Владимир Кириллович, провозгласивший себя в 1924 г. императором Всероссийским)⁴⁶. Туманов принимал участие в строительстве православного храма в Асунсьоне, был учредителем русской библиотеки, почетным вице-председателем «Очага русской культуры и искусств», членом Исторической комиссии Общества офицеров Российского Императорского флота в Америке⁴⁷.

За годы службы в во флотах России и Парагвая Я.К. Туманов удостоился ряда наград: светло-бронзовой медали с бантом в память Русско-японской войны 1904–1905 гг. (1906); темно-бронзовой медали в память плавания 2-й Тихоокеанской эскадры вокруг Африки на Дальний Восток (1907); ордена Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом (18 июня 1907); ордена Святой Анны 3-й степени (18 апреля 1910); золотого знака по окончании полного курса наук Морского корпуса (1910); черногорского ордена Святого Даниила 4-й степени (1911); светло-бронзовой медали в память 300-летия Дома Романовых (1913); светло-бронзовой медали в память 200-летия Гангутской победы (1915); мечей и банта к ордену Святой Анны 3-й степени и ордена Святого Станислава 2-й степени с мечами (6 июля 1915); ордена Свя-

⁴⁵ Туманов Я.К. К вопросу о переселении в Парагвай // Морской журнал. 1934. № 7 (79). С. 6–7.

⁴⁶ Ранее, в 1926 г., Я.К. Туманов вместе с генералом И.Т. Беляевым и еще девятью представителями русской колонии подписал письмо-обращение к великому князю Николаю Николаевичу (Младшему) (1856–1929), в котором говорилось: «... Вам, ваше Императорское Высочество как истинному выразителю чаяний Русского народа всецело вверяем мы наши голоса, готовые по слову Вашему явиться, как предки наши в былое время, людными, конными и оружными, на защиту Родины» (Мосейкина М.Н. «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. М., 2011. С. 178). На наш взгляд, этот факт, помимо прочего, свидетельствует об отсутствии серьезных разногласий между Беляевым и Тумановым.

⁴⁷ [Аубе] Г.Н. Указ. соч. С. 71.

того Владимира 4-й степени с мечами и бантом (8 марта 1916); парагвайского ордена «Крест Защитника [Родины]»⁴⁸.

Скончался князь Язон Константинович Туманов 22 октября 1955 г. от рака горла. Его провожали в последний путь вдова княгиня Надежда Владимировна (урожденная Чабовская)⁴⁹, дочь Оксана Язоновна, а также почти все представители русской колонии. О похоронах сообщил «Бюллетень Общества офицеров Российского Императорского флота в Америке»: «... флот был представлен лейтенантами А.С. Степановым и А.А. Нефедовым и мичманом М.К. Делимарским; присутствовали многочисленные представители парагвайского флота. Андреевский флаг на гроб был возложен н[ачальни] ком Отдела Корпуса Императорских Армии и Флота в Парагвае ротмистром В.Г. Михайловым. Перед погребением на русском кладбище, представитель парагвайской Морской Префектуры произнес прочувственное слово, отметив труды и заслуги покойного в войне Парагвая с Боливией»⁵⁰.

* * *

Стоит отдельно остановиться на литературной деятельности Я.К. Туманова. Тяга к записи своих мыслей и впечатлений проявилась у него еще в молодости. Первоисточником для книги «Мичмана на войне» послужили «Путевые заметки мичмана Язона Туманова о плавании на эскадренном броненосце «Орел» в составе 2-й эскадры флота Тихого океана», сохранившиеся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки и в РГАВМФ (копия)⁵¹. Более менее прочно «встав на ноги» в эмиграции, князь Туманов издал в Парагвае свои воспоминания о Русско-японской войне в 1929 г. на испанском языке⁵². В следующем году книга вышла в Праге. Это произошло благодаря усилиям издателя «Морского журнала», выходившего с 1928 по 1942 г., лейтенанта М.С. Стахевича. Будучи настоящим подвижником, он не только в течение 14 лет регулярно выпускал журнал, бывший органом связи русских моряков-эмигрантов в разных странах мира, но и помог выходу в свет целого ряда книг, авторы которых жили далеко от Чехословакии⁵³, среди которых были и воспоминания Туманова. Автор посвятил их «своим славным ученикам – кадетам Парагвайской военной школы в Асунсьоне».

Книгу хорошо встретили коллеги Туманова – флотские офицеры. «Изящно изданная и очень хорошо написанная книга. Ярко и увлекательно автор описывает поход 2-й Тихоокеанской эскадры адмирала Рожественского, в котором русские моряки проявили исключительное величие духа, небывалую выносливость и удивительное знание морского дела, поход, вызвавший изумление всего мира. [...] Нигде еще в русской литературе не была изображена так правдиво, любовно и вместе с тем без малейших прикрас походная страда и жизнь морского офицера, и именно мичмана. И это потому, что автор в своей книге не творит типов, а лишь рисует своих соплавателей и их жизнь на корабле с натуры, но, именно, рисует, а не фотографирует. И потому-то уже из первой главы книги читатель выносит яркое представление о мичмане русского флота того времени», – отметил на страницах «Зарубежного Морского сборника» его редактор капитан 1-го ранга Я.И. Подгорный⁵⁴. Сравнивали рецензенты книгу

⁴⁸ Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений Морского ведомства. Пг., 1916. С. 235. Т[аубе] Г.Н. Указ. соч. С. 71.

⁴⁹ В истории Парагвая она известна тем, что при Комитете русских женщин основала Школу лирического пения, откуда вышли первые парагвайские профессиональные певцы (Мосейкина М.Н. Указ соч. С. 130).

⁵⁰ Бюллетень Общества офицеров Российского Императорского флота в Америке. 1955. № 3. 15 декабря. С. 51–52.

⁵¹ Подробнее см.: Губер К.П. Указ соч. С. 8–9.

⁵² Подробнее см.: Губер К.П. Указ соч. С. 12.

⁵³ Подробнее см.: Акулова Т.В., Кузнецов Н.А. «Морской журнал» и его редактор-издатель М.С. Стахевич // Морской журнал. 1928–1942. Библиографический указатель / Сост. Т.В. Акулова. М.: Русский путь, 2018. С. 3–36.

⁵⁴ Подгорный Я. [И.] [Рец. на: Туманов Я.К. Мичмана на войне (Прага, 1930)] // Зарубежный Морской сборник. 1930.

Туманова с другими мемуарами, посвященными Цусиме, изданными в России и в эмиграции, в частности, книгами В.И. Семенова и Г.К. Графа. Об этом написал в своей рецензии известный военный писатель русского зарубежья поручик по Адмиралтейству С.К. Терещенко. *«Сравнивают книгу кн[язя] Туманова с трилогией Семенова «Расплата» или с «Моряками» Графа. Несомненно, что по живости изложения и интересу, который она вызывает, сравнение вполне уместно. [...] Но особая ценность его книги, на мой взгляд, заключается именно в том, что она не похожа на Семенова. Семенов был пожилым, вдумчивым опытным офицером... [...] Кн[язь] Туманов, как и Г.К. Граф, пошел на войну молодым, жизнерадостным, только что выпущенным, рвущимся в бой, но мало над ним задумывающимся мичманом, который, занятый своим трудным, многомятежным [так в тексте, возможно – «многосложным». – Н.К.] делом на новом, не исправном броненосце, едва имел время и возможность вникать в переживания своих товарищей, команды и свои собственные, зато подробно описывал все мелочи судовой жизни, приключения, проступки, столкновения между офицерами, разные происшествия при бесконечных погрузках угля, в дозорах на стоянках эскадры и т. д.»⁵⁵*

«Мичмана на войне» так и остались единственной книгой Туманова. К сожалению, неизвестна судьба рукописи его воспоминаний, посвященных событиям 1917 г. и Гражданской войне. В предисловии к публикации в «Морских записках» упомянутого выше ее фрагмента, посвященного событиям, происходившим в Одессе в 1918–1919 гг., говорится: *«В архиве Общества Офицеров Российского Императорского Флота в Америке, среди многочисленных ценных документов и воспоминаний, хранится рукопись капитана 1-го ранга князя Язона Константиновича Туманова. В этой рукописи 360 страниц, написанных от руки бисерным почерком. Посвящена эта рукопись: “Светлой памяти морских офицеров, замученных бессмысленной и жестокой русской революцией” и называется она “Скорбная повесть”. Тема ее – “описание виденного и пережитого рядовым морским офицером в первые годы русской революции”. Цель ее – “дать идущим за нами поколениям живое ощущение печального и страшного периода, нами пережитого, чтобы наш тяжелейший опыт не пропал даром и послужил бы хоть чем-нибудь на пользу нашей смене, которой предстоит титаническая работа по созданию вновь великого государства и достойного его флота”»⁵⁶*. В 1979 г. архив Общества офицеров Российского Императорского флота в Америке был передан американско-русскому историко-просветительному и благотворительному обществу «Родина», а начиная с первой половины 1990-х частями вернулся в Россию и пополнил собрания различных архивных и музейных учреждений.

В 1930-е гг. несколько статей Туманова были опубликованы в парагвайских военных изданиях, а также на страницах «Морского журнала» и газеты «Русский вестник», выходившей в Буэнос-Айресе. В 1944–1955 гг. ряд рассказов, очерков и статей Язона Константиновича увидел свет в журнале «Морские записки»⁵⁷. Большинство из них написаны по мотивам воспоминаний автора о разных периодах его службы, и, как справедливо отметил в некрологе старший лейтенант барон Г.Н. Таубе, в силу прекрасного владения автором русским литературным языком, а также наличия у него умения подмечать с безобидным юмором человеческие слабости, *«...его рассказы всегда увлекательны и читаются с большим интересом»⁵⁸*.

№ 10. Май – август. С. 107.

⁵⁵ Терещенко С. [Рец. на: Туманов Я.К. Мичмана на войне (Прага, 1930)] // Часовой. 1930. № 44. 30 ноября. С. 23.

⁵⁶ Туманов Я.К. Одесса в 1918—19 гг. // Морские записки. 1965. № 1. С. 65.

⁵⁷ Журнал издавался в 1943–1965 гг. в Нью-Йорке Обществом офицеров Российского Императорского флота (до 1953 г. – Общество бывших русских морских офицеров в Америке). «Морские записки» выходили несколько раз в год и представляли собой солидное издание, выпускавшееся типографским способом. Основным его содержанием были довольно объемные (в отличие от большинства других флотских эмигрантских изданий) статьи (преимущественно исторической тематики) и публикации воспоминаний. В 1943–1946 гг. журнал редактировал старший лейтенант С.В. Гладкий, а с 1947 г. – старший лейтенант барон Г.Н. Таубе. Всего вышло 59 номеров.

⁵⁸ [Таубе] Г.Н. Указ. соч. С. 71–72.

Современному читателю творчество князя Туманова знакомо мало. В 2002 г. в Санкт-Петербурге была переиздана книга «Мичмана на войне» (сюда же вошли воспоминания «В японском плену» и рассказ «Эскимос»). Это издание уже давно стало библиографической редкостью. В 2006 г. на страницах антологии «Морские рассказы писателей Русского Зарубежья», подготовленной подвижником истории Российского флота В.В. Лобыцыным (1938–2005) и выпущенной издательством «Согласие», были перепечатаны (с комментариями) отрывок из воспоминаний «По Адриатике» и рассказ «Адмирал Грин», впервые опубликованные в «Морских записках».

В предлагаемую читателю книгу вошли, помимо «Мичманов на войне», практически все произведения Туманова, напечатанные в «Морских записках». Они представляют несомненный интерес для читателей, неравнодушных к истории флота, романтике моря, флотской службы и дальних походов.

Н.А. Кузнецов, кандидат исторических наук

Составители книги от всей души благодарят за поддержку, помощь в работе и предоставленные материалы А.Ю. Емелина, кандидата исторических наук, и. о. заместителя директора РГАВМФ, главного редактора альманаха «Кортик» (г. Санкт-Петербург), О.Н. Лукину, члена Морского собрания Российского Императорского флота в Париже. Также хотелось бы выразить благодарность П.В. Соломонову, внесшему большой вклад в компьютерную обработку текста.

Мичмана на войне

Предисловие к русскому изданию

Своим славным ученикам – кадетам Парагвайской военной школы в Асунсьоне с теплым чувством посвящает эти строки автор

*Иисус сказал ему: написано также:
не искушай Господа Бога твоего.
От Матфея 4–7.*

Герои моей книги – мичмана, и данное мною заглавие – «Мичмана на войне» – удовлетворяет всем трем условиям хорошо озаглавленной книги, ибо заглавие должно: точно соответствовать ее содержанию, быть кратким и благозвучным.

Но это так, пока речь идет о русском языке.

Далеко не так благополучно обстоит дело с языком испанским, на котором первоначально была написана книга, вследствие того, что мичман по-испански – el alferéz de fragata, что и длинно и неблагозвучно; во множественном же числе получается еще длиннее – los alferéces de fragata. Таким образом, краткое и благозвучное по-русски «Мичмана на войне» звучит по-испански длинно и нелепо – «Los alferéces de fragata en la guerra».

Это обстоятельство заставило автора для испанского издания своей книги придумать иное заглавие, и она появилась впервые в печати под хотя и кратким и благозвучным, но довольно туманным заглавием – «En alta mar» («В открытом море»).

Попадающиеся в книге, в описании русской природы, детали, могущие показаться странными и ненужными читателю, привыкшему зимой надевать пальто и отапливать свою квартиру, объясняются тем, что книга посвящена детям тропиков, никогда не видавшим снега.

Божественное Провидение, наказавшее за что-то несчастный русский народ «завоеваниями революции», разметало по всему Божьему свету более двух миллионов граждан бывшей и будущей великой страны, фигурирующей ныне на современных географических картах под дурацким псевдонимом С.С.С.Р. В числе этих граждан без отечества оказался автор настоящей книги, попавший в полосу особенно сильной центробежной силы, раскидывавшей от границ бывшей России верных ее сынов, и, подхваченный этой силой, очутился в самых дебрях Южной Америки.

Его приютила маленькая бедная страна, населенная неизмеримо гуще крокодилами, нежели людьми. Может быть, именно поэтому люди в этом глухом уголке земного шара оказались лучше и сердечнее, нежели в густо населенной двуногими Европе.

Посвящение этой книги славной парагвайской молодежи есть лишь бледное выражение сильной благодарности автора приютившему его народу.

Глава I. Вместо предисловия. Мое назначение. Кронштадт. Броненосец «Орел». Арамис. Моя первая работа. Подполковник Поздеев и его плавающий кран. Мичман Зубов. Упущенное счастье.

25 лет! Почти половина человеческой жизни! Почти половина настоящего поколения в то время или не родилась еще или же лежала в колыбелях, с восхищением и любопытством взирая на чудеса Божьего мира. Многие крупные фигуры современной действительности, именами которых пестрят страницы наших газет, бегали в то время еще в коротких штанишках и шалили.

Добрая же половина тогдашнего поколения в настоящее время тоже покоится в колыбелях, но так как тех ничто уже больше не удивляет и не восхищает, то колыбели эти прикрыты крышками и зарыты глубоко в землю.

В продолжении этих 25 лет произошли события, которые выпадают на долю переживать далеко не каждому поколению. И грандиозность этих событий, казалось, должна бы была затмить собою все пережитое до них.

Но человеческая память, это – один из самых чудесных аппаратов, данных Богом человеку, один из самых благословенных и вместе с тем – самых страшных. Это – бесконечной длины кинематографическая лента, отпечатки на которой получаются тем яснее, чем она свежее. А может ли быть свежее эта живая фильма, нежели в 20–21 год человеческого возраста?

И когда я разворачиваю ее на моем мысленном экране, меня не удивляет, что картины, отпечатанные в моей памяти 25 лет тому назад, обрисовываются иногда яснее, нежели значительно более поздние. Конечно, как на всякой старой ленте, на моей также попадаются крупные пробелы, но то, что сохранилось доньше, проходит перед моим мысленным взором так ясно, точно запечатленное вчера...

В моем далеком детстве мне очень нравились рассказы, начинавшиеся так:

«Старый моряк не спеша набил свою трубку, закурил ее, выпустил несколько густых клубов дыма и начал свой рассказ...»

Ныне настал и мой черед закурить свою трубку.

Май месяц на севере Европы. Те, кто живет среди вечно цветущей природы, знакомы с весной лишь по календарю, и она ровно ничего не говорит их сердцу. Вся разница с зимой лишь в том, что солнце начинает пригревать сильнее, да чуть длиннее становится день. Глаз же видит все ту же яркую зелень, все то же блестящее и горячее солнце, все те же краски и цветы.

Чтобы почувствовать весну, нужно пережить суровую зиму, точно так же, как чтобы познать добро, нужно знать и зло, чтобы оценить красоту, надо видеть уродство, чтобы познать жизнь, надо видеть смерть. Русская же весна – это и есть переход от смерти к жизни, это есть воскресение природы. Нужно быть поэтом, чтобы описать прелесть оживающей природы, но вовсе не нужно быть им, чтобы чувствовать и оценить всю прелесть этого воскресения.

Я чувствовал эту прелесть всем своим существом 20-летнего юноши, когда в прелестный майский день 1904 года плыл на парходике из Санкт-Петербурга в Кронштадт.

Финский залив только что сбросил с себя ледяной покров, сковывавший его в течение почти полугода, и яркое солнце отражалось на спокойной поверхности «Маркизовой лужи», как называется часть Финского залива между Петербургом и Кронштадтом. Слева, в туманной дымке виднелись дома и дачи Стрельны и Петергофа, справа – рощи и парки Сестрорецка, а впереди – под тяжелой дымной тучей – низкий остров Котлин и разбросанные там и сям по маленьким островам гранитные форты Кронштадта.

Я ехал являться на один из кораблей Второй эскадры Тихого океана, которая поспешно готовилась к дальнему плаванию в далекие воды Желтого моря на помощь истекающей кровью нашей 1-й эскадре. Там далеко, за тысячи миль, гремели пушки, лилась кровь, ходили в атаку миноносцы, взрывались на минах корабли, а в Петербурге, откуда я ехал, этого совсем не чувствовалось. Он продолжал жить шумной, веселой жизнью большого столичного города; театры, кафе и рестораны полны были публикой; так же, как всегда, от 4 до 6 вечера блестящая вереница экипажей запружала красавицу-набережную Невы, пестрели роскошные туалеты дам петербургского beau-mond'a и блестящие формы гвардейских офицеров.

Казалось, что мало кому было дела до того, что где-то там, в далекой Маньчжурии или в водах еще более далекого Тихого океана и Желтого моря идет кровавая борьба с какими-то мало кому ведомыми японцами. И когда среди блестящей и нарядной толпы Невского проспекта случайно появлялась фигура офицера в походной форме или солдата в лохматой сибирской папахе, это являлось режущим глаз диссонансом.

Но и в холодном и с виду безучастном Петербурге были места, где чувствовалось дыхание войны. Одним из таких мест было Морское министерство, где днем и ночью кипела лихорадочная работа. Отделение личного состава Главного морского штаба осаждалось офицерами всех рангов, начиная от мичмана и кончая седым уже капитаном 1-го ранга, хлопочущими о назначении в действующий флот. Нередко мелькали в приемной начальника штаба бледные лица дам, приходящих справляться о судьбе своих близких, находящихся на театре военных действий; попадались на глаза дамы уже в глубоком трауре, пришедшие узнать подробности о гибели близкого человека.

Когда открывалась дверь кабинета начальника штаба и оттуда выходила нетвердой походкой женская фигура с невидящими глазами и мокрым, скомканным носовым платком в руках, веселая толпа молодых офицеров, заполняющая приемную, сразу смолкала и почтительно расступалась, давая дорогу живому олицетворению глубокого женского горя. Кто знает? Не копошилась ли в это время в легкомысленной мичманской голове мысль, что настанет, быть может, момент, когда и его мать, сестра или невеста будет так же выходить из этого самого кабинета? Я всегда чувствовал в этой сцене какую-то волнующую красоту, должно быть, ту самую красоту, которую находил даже в человеческом горе великий знаток человеческой души – наш Чехов: «ту самую едва уловимую красоту человеческого горя, которую может передать только музыка»...

Пароход подошел к длинному деревянному молу и ошвартовался. Автомобилей в то время еще не существовало. Одноконный извозчик повез меня в военный порт.

После блестящего Петербурга Кронштадт кажется глухим провинциальным городишком, каких немало раскинуто по необъятной матушке-России. Но население этого города – специфическое: масса рабочих портовых мастерских, арсенала и заводов, а главное – матросы. Матросы всюду: и в одиночку, и в строю, безоружные и вооруженные, они попадают на каждом шагу. Ежеминутно слышишь команды: «смирно, равнение направо», «смирно, равнение налево» и едешь, почти не отымая руки от козырька фуражки, отвечая на отдаваемую честь.

Есть, впрочем, у Кронштадта и еще одно специфическое отличие от всех прочих городов не только российских, но, мне думается, и всего остального мира: я уверен, что нигде больше в мире нельзя видеть железной мостовой, как только в Кронштадте. Мне, по крайней мере, за мои долгие скитания по всему Божьему свету таковой не доводилось видеть больше нигде. В Кронштадте же многие улицы выложены шестиугольными железными плитками.

Это был проект бывшего генерал-адмирала, Великого князя Константина Николаевича, уделявшего большое внимание не только флоту, но и его базе – Кронштадту. Не берусь судить, какова была эта мостовая новой, но когда я с ней познакомился, она насчитывала уже много лет своего существования и, кроме проклятий и ужаса, не вызывала иных чувств и мыслей.

В особенности проклинали ее извозчики, ибо покоробленные, с торчащими острыми краями железные плитки калечили ноги несчастных лошадей.

Вот показался небольшой сквер, прилегающей к военной гавани, с чахлой зеленью и деревьями, закапчиваемыми летом бесчисленными пароходными и заводскими трубами и обвеваемыми зимой ледяным дыханием Финского залива. Обогнув памятник Петру Великому с огромной бронзовой фигурой гиганта-Императора с лаконической надписью его наказа о Кронштадте – «Место сие хранить яко зеницу ока», мой извозчик подвез меня к пристани.

Наняв ялик, я приказал везти себя на броненосец «Орел», громада которого вырисовывалась у мола, как раз против пристани, у так называемых «лесных ворот» Военной гавани.

Пока старик-яличник лениво шевелит своими веслами, будоража мутную воду Военной гавани, я успею познакомить читателя с моим кораблем.

Эскадренный броненосец «Орел», около 15 000 тонн водоизмещения, по тогдашнему времени колосс, принадлежал к серии из пяти однотипных броненосцев последней постройки. Ни один из них еще не был закончен постройкой, причем пятый броненосец «Слава» только что был спущен на воду, и во 2-ю эскадру Тихого океана были назначены лишь четыре этого типа: «Князь Суворов» – флагманский корабль командующего эскадрой вице-адмирала З.П. Рожественского, «Император Александр III», «Бородино» и «Орел». Первые три броненосца к моменту, к которому относится начало моего рассказа, заканчивали свою постройку и приступали к испытаниям механизмов. Четвертый – «Орел» сильно отставал от своих товарищей. В мае месяце на нем не было еще установлено даже брони. Кроме того, незадолго до моего назначения с этим кораблем случилось несчастье, задержавшее еще больше его готовность. Однажды ночью, стоя в Кронштадтской гавани, он вдруг заполнился водой и опустился на дно; к счастью, было неглубоко, и корабль погрузился лишь по верхнюю палубу, когда днище судна село уже на грунт. Судно было поднято без особенного труда, но происшествие вызвало массу толков. Говорили упорно о том, что имело место злоумышление, что среди рабочих были подкупленные японцами шпионы, открывшие кингстоны и затопившие корабль. Но произведенное тщательное следствие не обнаружило ни открытых кингстонов, ни злоумышленников. Комиссия пришла к заключению, что причиной несчастья послужили многочисленные дыры, приготовленные для болтов бортовой брони; дыры эти были плохо закупорены, сквозь них просачивалась вода, ночью постепенно образовался крен, открытые уже совершенно отверстия подошли к самому уровню воды и корабль затонул.

Как бы то ни было, но командир корабля был смещен и на его место был назначен капитан 1-го ранга Николай Викторович Юнг, моряк блестящей репутации, энергичный, живой, страшно требовательный и строгий, только что вернувшийся на учебном корабле, которым он до того командовал, из заграничного плавания в Южную Америку.

Несмотря на сильное опоздание в готовности этого корабля, было приказано во что бы то ни стало приготовить его к походу, и назначение командиром энергичного Н.В. Юнга укрепляло в нас уверенность, что корабль будет готов. Это было тем более необходимо, что он входил в состав самого ядра 2-й эскадры – I дивизиона броненосцев.

Сотни рабочих работали в три смены, так что работы не прекращались ни днем, ни ночью. Однако работы еще предстояло масса. В сущности говоря, на корабле в мае месяце были готовы лишь машины и котлы и установлена крупная артиллерия в башнях – четыре 12-дюймовых, по два по носу и корме, и 12 – 6-дюймовых, по три парные башни вдоль каждого борга.

* * *

Когда мой ялик подошел к трапу броненосца, меня оглушил шум, грохот и визг сотен молотов, сверл и зубил. На палубе можно было разговаривать, лишь подходя вплотную друг

к другу и крича в ухо. Самую ужасную трескотню производили пневматические зубила, которые стучали как пулемет. Повсюду дымили горны, в которых грелись заклепки. Под ногами путались протянутые шланги от пневматических зубил, сновали по всем направлениям мальчишки, подавая рабочим раскаленные докрасна заклепки. Грязь повсюду была неопишная: кучи угля лежали прямо на палубе, которая еще не была крыта деревом. Внизу – грохот был еще оглушительнее.

Я спустился, лавируя между горами навороченных канатов и угля, стараясь не столкнуться с грязными рабочими или с несущимся с раскаленной заклепкой мальчишкой, вниз, в кают-компанию, где застал старшего офицера, сидящего за простым некрашеным столом и прихлебывающего чай. Представление ему и затем командиру заняло очень мало времени, и через несколько минут я вновь стоял перед старшим офицером, ожидая приказаний.

– Идите в вашу каюту, – вестовой вам ее укажет, переоденьтесь во что-нибудь постарее и возвращайтесь сюда, – сказал мне старший офицер.

Капитан 2-го ранга Константин Леопольдович Шведе, старший офицер эскадренного броненосца «Орел», будет часто фигурировать в моем рассказе, и поэтому необходимо познакомиться с ним моего читателя. Это был немолодой уже моряк, довольно полный, с красивым лицом, с длинными седеющими усами и коротко подстриженной по-французски бородкой. Большой барин и сибарит, любитель женщин, человек неглупый, он был бы недурным старшим офицером, если бы не его пристрастие к *dolce far niente*, иначе говоря – самой обычной лени. У живого, как ртуть, энергичного, страшно к тому же нервного и требовательного командира, каким был наш Н.В. Юнг, быть старшим офицером вообще-то было нелегко, а с таким характером, как у нашего Шведе, – в особенности. Ему, поэтому, временами приходилось очень трудно, и мы не раз бывали свидетелями неприятных разговоров между командиром и его старшим офицером, когда наш Константин Леопольдович, с побледневшим лицом, приложив руку к козырьку фуражки, молча выслушивал от командира выражения не совсем приятные.

Впрочем, это свойство его характера несколько не помешало ему вывесить на стене своей каюты, на видном месте над письменным столом, плакат с крупной надписью печатными буквами:

Когда вы пришли к занятому человеку, кончайте скорее ваше дело и **УХОДИТЕ**.

Эта надпись на нас, мичманов, производила особенно сильное впечатление, когда мы заставали «занятого» человека мирно храпящим в койке, и тогда мы действительно торопились уходить, даже не закончив дела, которое привело нас в каюту.

Один из молодых мичманов броненосца, не отучившийся еще от кадетской привычки давать своему начальству более или менее удачные прозвища, после какого-то парадного обеда, за которым было выпито совершенно достаточное количество вина, чтобы придать мичману мужества, которого у него и так немало, – долго молча смотрел на старшего офицера ласковым и слегка затуманившимся взором и, наконец, изрек к великому изумлению всех присутствующих:

– Константин Леопольдович, знаете что?... Вы меня извините... но вы... настоящий Арамис!

Развалившийся в комфортабельном кресле с сигарой в зубах, после сытного обеда, «Арамис» был в самом благодушном настроении и несколько не обиделся на дерзость мальчишки-мичмана, большого к тому же своего любимца, и лишь благодушно посоветовал тому пойти спать. Тот послушно встал и, уходя, все время повторял: «Ну прямо-таки... настоящий Арамис»...

С этих пор офицеры нашего броненосца уже не называли своего старшего офицера иначе (между собою, конечно), как именем бессмертного мушкетера Дюма.

Итак, Арамис, – в то время, впрочем, он не имел еще этого прозвища, будучи просто Константином Леопольдовичем, – приказал мне переодеться во что-нибудь старое и явиться вновь к нему.

Легко сказать «переодеться в старое», откуда могло быть что-либо старое у мичмана, выпущенного три месяца назад из Морского корпуса? Очутившись в каюте, я раздумывал недолго и, сняв крахмальный воротничок и манжеты, вновь предстал перед Арамисом в том же блестящем белоснежном кителе, в котором являлся ему и командиру несколько минут тому назад, и в котором не стыдно было бы даже поехать на бал.

Арамис окинул меня с ног до головы скептическим взглядом.

– У вас нет ничего похуже и постарее?

– Никак нет.

– В таком случае, скоро будет, – улыбнулся он сквозь свои пышные усы, – скажите старшему боцману, что я приказал отпустить в ваше распоряжение одного унтер-офицера и 8 человек матросов с двумя брандспойтами. После недавнего затопления у нас междудонное пространство еще полно воды. Поручаю вам откачать оттуда воду и очистить его.

– Есть, – и я отправился разыскивать старшего боцмана.

Арамис был прав, говоря, что у меня скоро будет и старое и драное платье. Через каких-нибудь полчаса я уже не вносил диссонанса в общий колорит рабочих и команды броненосца своим блестящим и белоснежным видом: мой новенький, с иголки, костюм покрылся самыми живописными пятнами угля, сурика, машинного масла и самой неаппетитной грязи, и в некоторых местах сияли уже дыры. Эта моя первая работа на броненосце до сих пор осталась у меня в памяти: приходилось работать в страшной духоте, в низком междудонном пространстве, где можно было стоять, лишь согнувшись в три погибели, пролезая туда сквозь узкие горловины; застоявшаяся вода, которую мы выкачивали брандспойтами, издавала отвратительный запах, доказывавший, что рабочие, работавшие внизу, пользовались междудонным пространством для целей, которым эта часть корабля отнюдь предназначена не была и для которых на судне имелись учреждения, носящие совершенно иное название. В этой зловонной жидкости плавала масса всевозможной дряни и мусора, помпы часто засорялись, и их приходилось чистить.

Но эти первые мои впечатления на моем первом корабле, эта проза действительности, столь не гармонирующая с поэтическими мечтами мичмана, назначенного на корабль, идущий на войну, – несколько меня не обескуражили. Вылезши поздно вечером из моей преисподней на верхнюю палубу, с наслаждением разминая спину и вдыхая чистый воздух, – насколько таковой в Кронштадтской гавани может почитаться чистым, – я с чувством глубокого удовлетворения окидывал взглядом мой разодранный уже китель, и, если бы кто-нибудь предложил мне тогда променять вонючее междудонное пространство на блестящую палубу императорской яхты, я с негодованием отверг бы это предложение.

* * *

Общей и неизменной темой бесед в кают-компании была готовность нашего корабля. Больше всего волновалась молодежь. Одна мысль, что «Орел» может не успеть к уходу эскадры и будет оставлен, приводила нас в содрогание. Более всего нас почему-то беспокоило отсутствие брони; должно быть потому, что больше всего бросались в глаза, напоминая постоянно о нашей неготовности, две ярко-красные впадины вдоль всего борта, с просверленными дырами, иначе говоря, выкрашенная суриком та часть борта, где должны были быть установлены два броневых пояса.

Нужды нет, что на броненосце не было установлено много вспомогательных машин, что далеко не была готова подача снарядов из бомбовых погребов, не установлен радиотелеграф, не

езде еще даже была настлана палуба; обо всем этом мы также были прекрасно осведомлены. Но все это не так бросалось в глаза. Зато броня, – ах, эта проклятая броня!

– Когда же ее, наконец, начнут ставить? Сегодня «Бородино» уже вторично ходил на испытания!

– А сколько времени понадобится на установку брони?

– А нельзя ли, если наша броня еще не готова, взять плиты «Славы»?

Таковыми вопросами ежедневно надоедали мичмана присутствовавшему постоянно на корабле строителю броненосца – корабельному инженеру. Тот только отмахивался рукой, как от надоедливых мух.

Наконец, в один прекрасный день, о, радость: к борту броненосца буксир подвел огромный 100-тонный кран и на его палубе мы увидели столь долгожданные нами броневые плиты.

В нашей кают-компании появился новый постоянный гость: отставной ластовый подполковник, такелажмейстер С.-Петербургского порта Поздеев.

Ластовые офицеры уже отошли в область прошлого, и поэтому следует сказать о них несколько слов. Корпус ластовых офицеров состоял из произведенных в офицеры унтер-офицеров и боцманов флота и предназначался исключительно для службы в порту и экипажах. Это были достойнейшие люди, прошедшие суровую школу жизни, тончайшие знатоки своего подчас довольно сложного дела, но вне узкой сферы своей специальности они уже не знали ничего. Большинство из них были бывшие баталеры, подшкиперы и боцмана и занимали должности заведующих портовыми складами, служили на плавучих средствах порта, заведовали такелажными и парусными мастерскими, плавучими кранами и т. п. Чины имели они сухопутные, причем доходили лишь до чина капитана, на котором застревали до предельного возраста, после чего производились в подполковники с увольнением в отставку с мундиром и пенсией, но обычно оставались на своих насиженных местах, продолжая службу уже «по вольному найму».

Таковым был и наш новый знакомый – подполковник в отставке Поздеев. Сколько было ему лет – я думаю, он и сам этого в точности не знал: может быть, 55, может быть, 65, а может быть, и больше. Сухой, кряжистый старик, с лицом цвета мореного дуба, со щетинистыми седыми усами, хриплым голосом и большим носом-дулей, цвет которого предательски указывал на пристрастие его хозяина к напиткам крепостью не ниже 40°. Спрошенный однажды за обедом Арамисом, какое вино он предпочитает, с полной откровенностью и чувством собственного достоинства Поздеев ответил, что из легких виноградных вин он предпочитает коньяк.

Большой знаток своего дела, он выполнял очень тонкую работу, манипулируя такими грубыми предметами, как 100-тонный неуклюжий кран и броневые плиты. Работа, без сомнения, тонкая: подвести плиту вплотную к борту таким образом, чтобы броневые болты пришли бы как раз против просверленных для них в борту дыр, – манипуляция в трех плоскостях, причем малейшее отклонение в одной из них сводило на нет всю работу.

Первое чувство радости и ликования при появлении в кают-компании столь долгожданного такелажмейстера очень быстро сменилось у мичманов чувством жгучей к нему ненависти. Причиной такой резкой перемены настроения послужила очень скоро обнаружившаяся черта характера подполковника Поздеева: он был глубоко проникнут философской доктриной, что торопливость нужна исключительно при ловле блох, – во всех же иных случаях жизни всякая спешка приносит лишь вред. И он до того был верен этой философии в своей работе, которая казалась нам столь важной и срочной, что мы приходили в бешенство и очень скоро сделались его заклятыми врагами. В кают-компании ли, на палубе ли, повсюду мичмана не упустили ни одного случая, чтобы не отпустить по его адресу какую-нибудь колкость, иногда очень дерзкую и злую. Но старик оставался невозмутимым, действительно уподобляясь в таких случаях, по остроумному выражению леди Асквит о своем муже, – собору Св. Павла, на который садились комары.

Но в один прекрасный день лопнуло даже безграничное терпение старика, и в нашей кают-компании разразилась буря.

История началась с события, имеющего, казалось бы, очень мало отношения к подполковнику Поздееву: с очередного приезда в Кронштадт морского министра. В то время морской министр довольно часто приезжал в Кронштадт из Петербурга на своей яхте, навещая готовящиеся к походу корабли, для докладов о ходе приготовлений Государю Императору. О каждом приезде министра корабли заблаговременно извещались штабом Кронштадтского порта. Обычно министр приходил на своей яхте «Нева» в военную гавань и там уже садился в катер и отправлялся по кораблям, которые собирался навестить. Наш броненосец стоял как раз у входа в гавань, и яхта министра проходила поэтому очень близко от него.

Был жаркий июльский день. В кают-компании только что кончили обедать, и такелажмейстер Поздеев благодушно поклевывал носом, приготовляясь, по-видимому, вздремнуть часок-другой. Арамис тоже еще не уходил в свою каюту, чтобы принять горизонтальное положение, когда пришедший с вахты унтер-офицер доложил ему, что на сигнальной мачте порта поднят сигнал: «Ожидать прибытия морского министра».

Услышав доклад вахтенного, такелажмейстер нехотя поднялся со своего кресла и медленно направился к трапу, ведущему на верхнюю палубу. Через минуту-другую его фигура показалась на юте, у левого борта которого стояло ошвартовавшись его детище – 100-тонный кран. На несчастье старика, стоял в то время на вахте один из самых заклятых его врагов – маленький, живой и юркий мичман Зубов, сделавшейся свидетелем следующей сцены.

Поздеев, перегнувшись через поручни и приложив руки рупором по направлению крана, на котором не видно было ни души, крикнул:

– На кране! Кобызев!

Продолжительная пауза... Кран продолжает оставаться мертвым...

– На кране!.. (Крепкое русское слово). Кобызев!!..

Из одного из люков крана высунулась взлохмаченная голова:

– Чаво?

– Тут скоро будет проходить морской министр; так как пойдет его яхта, ты потравливай гини...

На заспанной физиономии лохматого Кобызева высоко поднятые брови изобразили глубочайшее изумление:

– А для чего?

– А чтобы видно было, что кран работает, дурья твоя голова!

– Есть! – Лохматая голова скрылась, а такелажмейстер Поздеев медленно направился в кают-компанию продолжать прерванное *dolce far niente*.

Следом за ним спустился сменившейся с вахты мичман Зубов. Выражение его лица не предвещало ничего доброго. Он сел за приготовленный ему прибор и, обратившись к присутствующим в кают-компании офицерам, рассказал о той сценке на юте броненосца, свидетелем которой он только что был. Рассказ его сопровождался такими нелестными комментариями по адресу такелажмейстера, что старика наконец прорвало: он вскочил с кресла, на котором сидел, и, подбежав к Зубову, стал тыкать пальцем в его стриженую круглую голову, и вне себя от негодования закричал:

– У меня сын такой, как ты, а ты пристаешь ко мне, к старику...

Зубов в первый момент даже опешил. Он сам, да и никто из нас, не ожидал такой горячности от нашего флегматичного такелажмейстера. На мгновение в кают-компании наступила гробовая тишина. Наконец, послышался ровный голос Зубова, отчеканивающий каждый слог:

– Я вас покорнейше попрошу, милостивый государь, не тыкать в голову своими грязными пальцами...

Бедный старик даже привскочил от негодования. Он воздел руки кверху, точно призывая самого Бога в свидетели этой новой, неслыханной дерзости, и крикнул:

– Неправда и ложь, господин Зубов: руки мои совершенно чистые!

Тут присутствующие не выдержали и дружно расхохотались. Старик же окончательно опешил.

Неизвестно, чем бы окончилась эта трагикомическая сцена, если бы не счел, наконец, нужным вмешаться в конфликт сам Арамис.

– Мичман Зубов, – сказал он строгим голосом, – прошу вас помнить, что в ваши обязанности отнюдь не входит критика действий подполковника Поздеева. Предоставьте это мне и командиру. Вам же я категорически запрещаю говорить с ним таким тоном и дерзить ему. Если вы еще раз позволите себе сказать ему дерзость, я принужден буду доложить командиру, и вы сами, конечно, понимаете, чем это для вас кончится.

– А какое он имеет право говорить мне «ты» и тыкать мне в голову пальцем? – пробовал возражать Зубов.

Пышные усы Арамиса дрогнули от сдерживаемой улыбки.

– В этом виноваты только вы сами и больше никто, своими постоянными колкостями доведя его до этого. И – довольно. Я сказал и прошу вас это иметь в виду. Инцидент исчерпан.

Приняв затем свой благодушный вид, Арамис сладко потянулся, вызвал звонком вахтенного, отдал ему приказание разбудить себя, когда покажется яхта морского министра, и величественно удалился из кают-компания, чтобы принять свое любимое горизонтальное положение.

Два врага долго еще что-то ворчали себе под нос, но гроза уже прошла и больше не возобновлялась.

После этого инцидента они старательно избегали друг друга. Зубов отводил свою душу уже не в его присутствии и в особенности не в присутствии Арамиса, явно взявшего Поздеева под свое покровительство.

Местом жестокой и свободной критики поступков такелажмейстера, да и вообще начальства, сделалась моя каюта, в которой в свободную минуту собирались мичмана пошуметь и позубоскалить без помехи. Каюта эта была двойная и потому довольно обширная; жило нас там двое – я и автор прозвища «Арамис» – мичман Шупинский, стройный и красивый офицер, старше меня на год по выпуску из Морского корпуса, владелец золотой медали «За спасение погибающих», полученной им за редкий подвиг: он вынес из пожара своего собственного отца.

Судьба вскоре сжалилась над несчастным такелажмейстером и убрала с его пути его заклятого врага: вскоре после описанной сцены в кают-компания мичман Зубов был переведен с нашего броненосца на другой корабль.

Его уход также хорошо сохранился в моей памяти.

* * *

В один прекрасный день, во время обеденного перерыва работ, когда все офицеры броненосца были в сборе, готовясь сесть за стол, в кают-компанию вошел командирский вестовой и доложил, что командир просит к себе господ мичманов. Такие приглашения никогда не предвещали ничего доброго: обычно нас призывали всех вместе или поодиночке к командиру лишь для того, чтобы разнести нас за какую-нибудь оплошность и прочитать нам длинную нотацию с напоминанием тех или иных неприятных статей Морского устава. Поэтому, услышав приглашение к командиру, у всех мичманов разом понизилось веселое предобеденное настроение и, направляясь гурьбой под ироническими взглядами г.г. лейтенантов в командирское помещение, мы вопросительно поглядывали друг на друга, как бы мысленно спрашивая: «Не ты ли, негодяй, натворил что-то, и теперь нас всех зовут на цугундер?»

На этот раз, впрочем, страхи наши оказались неосновательными. Выражение лица командира, когда мы вошли в его обширное помещение, было спокойно и не предвещало не только шторма, но даже и легкого шквала. Все поэтому сразу же значительно подбодрились.

Привстав при нашем входе, командир обратился к нам со следующими словами:

– Господа! Я получил сегодня из штаба командующего эскадрой предложение списать одного из вас с моего корабля в распоряжение штаба для назначения на другой корабль эскадры. Все вы мне одинаково дороги (все молча поклонились, причем мне пришлось поклониться особенно низко, чтобы скрыть выражение муки на лице, так как в этот момент меня кто то сильно ущипнул, по-видимому, от избытка гордого чувства, что он оценен по заслугам) и ни с кем из вас я расставаться не хочу. Поэтому, если среди вас нет никого, кто пожелал бы добровольно списаться с моего корабля, я предлагаю решить вопрос жребием. Сделайте это сегодня же и сообщите мне фамилию офицера, на которого падет жребий. Вот, господа, все, что я имел вам сообщить. Можете быть свободны.

Мы снова молча поклонились и вышли.

После обеда в моей каюте собрался мичманский митинг.

Более всего почтенное собрание интересовал вопрос – на какой корабль понадобился офицер? Хорошо, если это один из новейших броненосцев. Еще лучше, если это – крейсер. О миноносце мы не смели даже и мечтать, это было бы верхом счастья! Ну а что, если это какая-нибудь старая калоша вроде броненосца «Наварин» или, Боже упаси, – транспорт?

– Вернее всего, что это какая-нибудь дрянь, – заметил всегда скептически настроенный мичман Щербачев, самый выдержанный из всех нас, всегда спокойный, слишком рассудительный для своих 19–20 лет, получившей дома строгое английское воспитание, – иначе, почему было бы не указать, на какой именно корабль должен быть назначен офицер?

– Вы знаете, господа, я уверен, что это – «Камчатка», – сказал я. – Она нашего же 14-го экипажа, это – во-первых, в такой же степени готовности или, вернее, неготовности, как и мы, – во-вторых, на ней еще некомплект офицеров – в-третьих!..

– Да, пожалуй, ты прав, – заметил Зубов.

– Да чего там толковать, все равно ни до чего не додумаемся! Давайте тянуть жребий! – крикнул кто-то.

Быстро заготовили нужное число билетиков с поставленным на одном из них крестом и все одновременно потянулись рукою в фуражку, куда они были положены. Я с волнением развернул свой билетик. Билет был с крестом.

Перед моим мысленным взором предстала уродливая «Камчатка», транспорт-мастерская и ее желчный, раздражительный командир, капитан 2-го ранга С., которого я хорошо знал по 14-му экипажу, где провел первые три месяца своей службы.

– Господа, жребий выпал мне, – заявил я упавшим голосом и повернулся к дверям, чтобы идти с докладом к командиру, как вдруг меня остановил Зубов.

– Хочешь, я пойду вместо тебя? – просто спросил он меня.

Я с удивлением посмотрел на него, не веря ушам своим.

– Ей-Богу, мне решительно все равно, – прибавил он спокойно.

Я, не колеблясь, согласился.

Прошло несколько дней. Как-то вечером, при чтении приказов командующего эскадрой, мне бросилась в глаза фамилия Зубова. Я впился взором в небольшой клочок серой бумаги, и она задрожала в моей руке. Там стояло:

«Переводится: мичман Зубов с эскадренного броненосца “Орел” на эскадренный миноносец “Блестящий”...»

В ту ночь я долго не мог заснуть, придумывая самому себе самые нелестные эпитеты:

– Трус и идиот, идиот и трус, – повторял я мысленно, хватая себя за голову, – сам упустил свое счастье...

Глава II. 30 июля 1904 г. Выход из Кронштадта. Суеверие моряков. Ревель. Незванный гость. Царский смотр. «Вторник». Либава. Ночь в дозоре. Прощай, Россия!

Дни шли за днями в непрерывной работе, и готовность корабля быстро подвигалась вперед. В середине лета мы уже перестали волноваться, что нас могут оставить и эскадра уйдет без нас. Да и прочие наши «sister-ship's»⁵⁹ далеко еще не окончательно были готовы для дальнего похода и боя.

За этот период помню один день, который врезался мне в память.

Чудный июльский день; на безоблачном небе ярко сверкает солнце. На внешнем Кронштадтском рейде много военных судов: кроме нашей эскадры, – пришедший с моря отряд адмирала Бирилева.

Внезапно адмиральский корабль весь расцветивается сигнальными флагами; сигнал следует за сигналом, спускается один, подымается другой. Наши сигнальщики вызвали себе в помощь подвахтенных и непрерывно записывают на грифельную доску разобранные сигналы, то приспуская, то поднимая до места флаг «иже» («ясно вижу»). Наконец, весь сигнал разобран, вахтенный с доской бежит с докладом к старшему офицеру и командиру. Адмиральский корабль сообщал:

– Флот извещается – сего числа родился Наследник Цесаревич Алексей Николаевич... – Затем следовал целый ряд распоряжений: отслужить на кораблях благодарственные молебны, по второй пушке флагманского корабля произвести салют в 101 выстрел, выдать команде лишнюю чарку водки, отпустить очередную вахту на берег и т. д. и т. д.

Все корабли, не только военные, но и стоящие в купеческой гавани дымной кучей «купцы» и даже парусные лайбы расцветились флагами. Вскоре стекла кронштадтских домов задребезжали от грома салюта: корабли производили редкий салют в 101 пушечный выстрел. Пороховой дым долго стлался густыми клубами в тихом воздухе июльского дня. Россия ликовала...

Сколь мудр Всевышней, скрывший от человека непроницаемой завесой его будущее!

Чему радовались русские люди 30 июля 1904 года? Радовались появлению на свет маленького мученика, вся короткая жизнь которого должна была быть сплошным страданием не только для него самого, но и для безгранично любивших его родителей. Но тогда никто еще не подозревал, что родившееся маленькое существо, наследник трона величайшего государства, обнимающего одну шестую часть света, был обладателем уже другого наследства, страшной наследственной болезни Гессенского дома⁶⁰.

Но что еще трагичнее, – радовались русские люди рождению существа, которое 14 лет спустя невинным ни в чем мальчиком будет замучено в подвале дома захолустного городишки интернациональной сволочью, подлыми изуверами, изменниками и разрушителями того самого государства, управлять которым этот мальчик должен был по смерти своего отца.

---

⁵⁹ Однотипные корабли. – Авт.

⁶⁰ Род Гессенского владетельного дома, из которого происходила русская Императрица Александра Феодоровна, страдал чрезвычайно редкой, неизлечимой и страшной наследственной болезнью – гемофилией, сущность которой заключается в том, что кровь не имеет обычного свойства свертываться и страдающий этой болезнью человек рискует умереть от малейшего кровоизлияния, а самый незначительный ушиб причиняет невыносимые страдания. Особенность этой болезни еще та, что она передается по наследству только мужскому поколению, но не женскому. Так, все дочери Императора Николая II были цветущего здоровья девушками, тогда как единственный сын, наследник престола, родился больным. – *Авт.*

* * *

В августе месяце наш «Орел» уже окончательно принял облик военного корабля. Уже не резали глаз глубокие красные впадины вдоль всего его борта: в это место уже были вставлены плиты могучей брони; палуба была уже настлана, устанавливался радиотелеграф новейшей в то время системы Сляби-Арко. С внешней стороны корабль был почти готов. Работы шли теперь, главным образом, внутри судна по установке многочисленных вспомогательных механизмов, подачи снарядов и т. п. В этом месяце броненосец начал уже выходить на испытания.

Другие корабли также заканчивали свою постройку и один за другим покидали Кронштадт и переходили в Ревель, где должна была сосредоточиться вся эскадра перед уходом на войну. Да и пора уже было уходить.

Вести из Порт-Артура приходили все тревожнее и тревожнее. Гарнизон истекал кровью; уже ощущался недостаток боевых припасов и даже продовольствия. Японцы, не жалея жертв, укладывая целые гекатомбы трупов в ожесточенных атаках, хотя медленно, но неуклонно продвигались вперед, постепенно сужая железное кольцо осады. После ляоянской неудачи и отступления сухопутной армии Куропаткина надежды на скорое освобождение крепости не было никакой. Попытка нашей Порт-Артурской эскадры прорваться во Владивосток потерпела неудачу, и флот, потерявши в Шантунгском бою своего командующего – адмирала Витгефта, вернулся в Порт-Артур. Злой рок тяготел над несчастной Россией. Капризный бог войны явно покровительствовал Японии, и солнце победы светило только ей одной. И этот Шантунгский бой, последний эскадренный бой нашей 1-й Тихоокеанской эскадры, ее лебединая песнь, явно показал, что Марс решительно повернулся к нам спиной. Победа была уже наша; адмирал Того уже готовился к отступлению; еще несколько минут, и путь во Владивосток был бы открыт, и через два дня его рейды увидели бы избитые снарядами стальные корпуса славных кораблей Первой эскадры... Но в этот решительный момент шальной снаряд, быть может, одного из последних залпов, который решил послать Того, попадает в боевую рубку русского адмиральского корабля «Цесаревич», убивает русского адмирала, другой – заклинивает руль, и головной корабль уже победившего флота начинает описывать бессмысленную циркуляцию, внося расстройство и беспорядок в строй русских кораблей, радость, ободрение и новую волю к победе в сердце врага. «Его Величество случай» вновь пришел в критический момент на помощь нашим врагам.

* * *

В сентябре месяце вся наша эскадра сосредоточилась в Ревеле. В Кронштадте оставался только наш броненосец, спешно заканчивающей приемку и погрузку боевых материалов и запасов провизии. Внутри корабля оставалось еще доделать много мелочей, когда мы получили приказание идти в Ревель на присоединение к эскадре.

Помню пасмурный сентябрьский день; ранняя северная осень давно уже вступила в свои права. Весь день дул сильный ост, выгонявший воду из залива. Под вечер мы снялись с якоря и пошли с внешнего рейда, где стоял наш корабль, в море. На броненосце оставалось еще много рабочих, которых мы везли с собой, так как далеко не все еще было у нас готово.

При выходе с рейда, между входными бочками, корабль наш плотно уселся на мель. Произведенный обмер показал, что сильный восточный ветер, дувший весь день, настолько выгнал воду из залива, что между входными бочками, повсюду, глубина оказалась меньше 28 футов – осадки нашего броненосца. Командир потребовал землечерпательный караван, который два дня углублял для нас канал, позволивший нам, наконец, с большим трудом, ползя днищем в песке и иле, выйти на чистую воду.

Происшествие это на многих произвело очень неприятное впечатление. Суеверные, как всякие моряки, наши старые матросы говорили: «Кронштадт не пускает нас на войну». Даже на офицеров этот инцидент произвел нехорошее впечатление, и эти два дня, пока землечерпалки рыли для нас канал, наши офицеры ходили с хмурыми лицами и ворчали на все и на вся.

Мой вахтенный начальник, под вахтой которого мне приходилось обычно стоять, – наш второй минный офицер – лейтенант Модзалевский, обычно жизнерадостный и веселый, неисчерпаемый кладезь шуток и анекдотов, – и тот хмурился и был не в духе.

– Ведь это же – чистейшее суеверие, – пробовал я подтрунивать над ним.

– Ну, конечно, суеверие, – согласился он. – Но не думайте, что мы одни, русские моряки, в этом грешны. Хотите – верьте, хотите – нет, а я сам слышал от одного английского морского офицера, как он возмущался русскими предрассудками: «Странный вы народ, русские моряки, – говорил он, – почему-то не любите сниматься с якоря в понедельник, точно есть какая-нибудь разница между понедельником, вторником или средой. Я еще понимаю, если бы вопрос шел о пятнице (у английских моряков тяжелый день – пятница)! Но понедельник – это же абсурд!»

На второй день ост стал стихать, да и канал был уже углублен достаточно, и Кронштадт вскоре исчез у нас за кормой в дыму и в тумане. Многим из нас уже более не суждено было его увидеть.

К вечеру того же дня мы вторично отдали дань морскому суеверию. Проходя мимо высокого, скалистого и угрюмого острова Гогланд, бросали в море деньги – дань Нептуну – древний обычай русских моряков.

На утро следующего дня уже увидели высокий шпиц кирки Св. Олая, и вскоре открылся нашим взорам красавец Ревель. На рейде застали почти всю нашу эскадру и, став на якорь, узнали, что в ближайшие дни ожидается приезд Государя Императора, который приедет проститься с нами и благословить нас в дальний путь.

Надо было спешно приводить себя в порядок. Корабль красился, чистился, мылся и прихорашивался, точно невеста перед венцом. Арамис проявлял совершенно несвойственную ему энергию, носясь по броненосцу, заглядывая во все уголки, налетая и распекая то какого-нибудь нерадивого мичмана, то оплошавшего унтер-офицера, или, чаще всего, козла отпущения каждого старшего офицера – боцмана.

И действительно, насколько было возможно, принимая во внимание присутствие на борту рабочих, так как работы не прерывались ни на минуту, и столь короткий срок, имевшейся в нашем распоряжении, – корабль был приведен в сносный для военного судна вид. Борта ослепительно сверкали свежей черной краской⁶¹, палуба блестела чистотой и порядком, мостики, шлюпки, орудия, все было надраено, покрашено и приведено в нестыдный для военного корабля вид. Наконец, получено было известие о прибытии в Ревель Государя Императора и был объявлен день смотра.

Раньше, чем описывать этот памятный день, я должен вернуться несколько назад и рассказать об одном незначительном событии, результатом которого явился большой конфуз всего личного состава моего броненосца на царском смотре.

На второй или на третий день по нашем прибытии в Ревель, вечером, когда мы ужинали, в кают-компанию вдруг вбежал огромный рыжий, никому неведомый дотоле пес – помесь пойтера с дворняжкой. Как и подобает благовоспитанной судовой собаке, он подбежал сначала к старшему офицеру, ткнув ему в руку своим мокрым и холодным носом, и затем пошел вдоль стола, получая подачки от благодушно настроенных офицеров, ибо, как известно, г.г. офицеры во время обеда и ужина обычно пребывают в самом благодушном настроении.

---

⁶¹ В то время русские военные корабли красились в черный цвет. «Защитный», серый цвет был введен лишь после Русско-японской войны. – *Авт.*

– Это что за собака, откуда она? – удивился Арамис.

Все ответили полным незнанием. Арамис вызвал вахтенного.

– Что это за пес? – строго спросил он у вошедшего и вытянувшегося у дверей унтер-офицера.

– Так что, вашскородие, – испуганно забормотал вахтенный – прибыл с берега, с очередным катером. Старшина говорит, что никак невозможно было прогнать его. Должно быть, с какого другого корабля, опоздал на свою шлюпку. Наша последняя отвалила, вашскородие!..

– Хорошо, ступай.

– Очевидно, он с «Суворова» или с «Александра III», – сказал кто-то из присутствующих. – У нас и катера совершенно однотипные, да и дорогу нашел он сразу в кают-компанию.

– Надо будет завтра же навести справки и отослать пса домой, – заявил Арамис.

В суматохе приготовлений к смотру справку навести забывали, и пес продолжал жить у нас. Это был симпатичнейший пес, обычного корабельного типа, прекрасно воспитанный и знающий все судовые порядки. Так, например, он отлично знал, что если к корабельному трапу подходит гребная шлюпка или паровой катер, то дело, без сомнения, пахнет берегом. В таком случае он немедленно спускался по трапу и усаживался в шлюпке, причем выгнать его обратно не было уже никакой возможности; маленькую собачку еще можно было бы вынести на руках, но такого огромного пса нести на руках по узкому трапу – задача была не легкая и его обычно оставляли в покое. Он отправлялся со шлюпкой, на берегу приставал к одному из матросов или офицеров, шел за ним по пятам и с ним же возвращался обратно. Жил он где-то на баке и редко попадался на глаза начальству. Когда же его случайно замечал Арамис, то обычно произносил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.